

АСТРОНАВТЫ

ЗОНА ТАЙНЫ

Рина ГРАНТ

ПРИ УЧАСТИИ АЛЕКСЕЯ БОБЛА

Зона тайны

Рина Грант

**Астронавты.
Отвергнутые космосом**

«Автор»

2012

Грант Р.

Астронавты. Отвергнутые космосом / Р. Грант — «Автор»,
2012 — (Зона тайны)

Команда «Летучего голландца» предала колонистов и оставила их умирать на далекой планете в чреве «Троянского коня». Но отмщение проникло на корабль и преследует астронавтов одного за другим. Запасы кислорода и энергии на исходе, силовые установки вышли из строя. Остается одно: вернуться и поднять «Троянца» – живой инопланетный корабль, который однажды дал людям шанс, вывел в космос, избавив от многих проблем. Спасет ли он астронавтов сейчас? Кому из них суждено вернуться, чтобы отдать долги? И кто решает, кому жить, а кому умирать мучительной смертью?..

© Грант Р., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рина Грант, при участии Алексея Бобла

Астронавты. Книга 1.

Отвергнутые Космосом

*Автор благодарит М.А. Галактионову, А. Левицкого и Н.П. Вудхеда
за поддержку и ценные советы, без которых эта книга не смогла
бы увидеть свет.*

Пролог

Грохот ракетных двигателей сотряс обледенелую равнину. Черная тень корабля пронеслась над базой поселенцев и скрылась за скалами. Дрогнула с глухим гулом земля.

Человек в гермокостюме оглянулся и отступил в тень скалы, шурясь сквозь стекло шлема на разбитую и нечищеную бетонную дорогу.

Дорога вела на заброшенную территорию базы, к давно опустевшим жилым вагончикам и в медблок. Корабль – грузовоз с Сумитры, ближайшей к базе освоенной планеты – сел, судя по траектории, километрах в двадцати от базы. А в противоположной стороне возвышался над скалами километровый гребень носителя, где временно обосновались покинувшие базу поселенцы.

Человек огляделся – никого. Надо спешить. Курьер на борту не будет ждать. Да и Контролер тоже слышал рев двигателей. Он быстро сообразит, что к чему, и пошлет к кораблю своих подручных. Нужно их обогнать.

Прижавшись к скале, человек скользнул в тень соседнего утеса и, пригнувшись, заскользил по наледи, петляя меж валунов вдоль дороги. Над головой багрово полыхало маленькое холодное солнце.

Действие таблеток уже проходило, он это чувствовал. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего, наливалась свинцом голова. Разом заныли все язвы. Болезнь уже зашла далеко, а таблетки кончились. У всех кончились. Все на базе ждали корабля, как манны небесной.

Человек поскользнулся, неловко поставил ногу и вскрикнул от боли, чувствуя, как треснула и закровоточила кожа на подъеме ступни. Может, в медблоке завалялась таблетка-другая? А то ведь он не доберется, до корабля-то. Он знал, что забрал остатки груза еще в свой последний приход, но одна коробка, кажется, завалялась между нижней полкой и дном шкафа. Сейчас она буквально стояла у него перед глазами, эта упавшая коробка. И ведь всего одной таблетки достаточно, чтобы прибавилось сил, чтобы прошло это вечное безразличие ко всему...

За поворотом, скрытый от всех ледниковой грядой, человек выпрямился и, хромая и морщась от боли в ноге, вышел на дорогу. Потянулся к заднему карману, на ходу вытащил излучатель. Сжал оружие в руке и, оглядывая опустевшие, обесточенные здания базы, направился к медблоку. Каждая минута на счету, но нужно раздобыть хотя бы пару таблеток, иначе он не дойдет.

Позади послышался хруст наледи. Человек замер и резко обернулся. Вслушался, подождал, всматриваясь в тени между скал. Нет, никого. Померещилось.

Облегченно вздохнув, он свернул по каменной дорожке к медблоку. Приземистый бетонный бокс с тяжелым бесформенным люком шлюзовой камеры обледенел по самые иллюминаторы. Человек потянул на себя калитку – заграждавший проход стальной лист, грубо приваренный к бетонному столбу ограждения.

В лаборатории горел свет.

Человек вздрогнул и присел, укрываясь за щитом. Застыл. Еще можно скользнуть мимо и перебежками – хотя уже не держали ноги – добраться до ворот базы. Там надо попробовать завести транспортер. Пытаться добраться до грузовоза пешком, по обледелому бездорожью – безумие. Рев мотора услышат... ну что ж. Он ведь старается ради всех.

Но сил уже не было. Да и кто там может быть, в медблоке? Только Профессор, упрямая подопытная крыса – все пытается найти средство от болезни, медленно убивающей всех поселенцев. Чего захотел! Крупнейшие институты Земли не в силах излечить умирающих, а на коленке в походной космической лаборатории Профессор и вовсе ничего не добьется. Только всем мешает: и его людям, и людям Контролера. И не понимает намеков. Ну что ж...

Пальцы в перчатках сжали проволочную сетку ограждения. Человек поудобнее перехватил излучатель, свободным пальцем перевел кнопку спуска в боевое положение. Замигала красная лампочка на стволе.

Он один – если не считать Контролера и его людей – знал, зачем прилетел корабль. Только они – и их человек на борту – знали, что везет им допотопный доходяга-грузовоз с Сумитры.

Подволакивая ногу, человек пробежал по дорожке и налег на входной люк лаборатории. Не дожидаясь, когда тот отъедет полностью, протиснулся внутрь и, чувствуя, как слабеют ноги, скользнул вдоль обшитых сталью стен. С хрипом – гниющим заживо легким не хватало воздуха – он сорвал шлем.

Из-под двери в лабораторию падала полоска света на затоптанный, в лужах растаявшего снега, пол.

– Извини, Профессор, – прохрипел человек и потер шрам на виске угловатым стволом излучателя.

* * *

В глубине медблока лаборант по прозвищу Профессор в отчаянии бил кулаком по столу. Он слышал рев двигателей. Он не успел. Он очень старался, но его училищных знаний хватило ненамного.

Профессор вскочил и зашагал вдоль полок с препаратами, надеясь, что сидящий в груди ужас – они прилетели, они уже здесь! – подскажет ему формулу. Поможет найти среди тысяч бутылочек и коробочек комбинацию, способную спасти умирающих. Корабль прилетел раньше, чем он рассчитывал. И привезенный им груз добьет всех поселенцев, кто пока еще жив.

Это Профессор уже знал. Но попробуй скажи остальным – в лучшем случае начнут издеваться и запретят входить в лабораторию. А в худшем – сдерут с него гермокостюм и вытолкают голого на поверхность, на мороз и радиацию. Это уже пару раз случалось во время драк больных и измученных поселенцев, всякий раз с подачи Челнока и его компании. Профессор пожал плечами. Связываться – себе дороже.

Он повернулся на шорох в коридоре.

– Кто тут? – лаборант нашарил выключатель и всеми пальцами вдавил клавишу в стену. Коридор осветился. У входного шлюза прислонился к стене сгорбленный поселенец в гермокостюме. Запущенная стадия болезни, волосы уже начали вылезать. В одной руке пришедший держал за обод снятый шлем, в другой – нацеленный на Профессора излучатель.

– Руки подними, – двинул излучателем поселенец.

Лаборант послушно поднял руки к голове. Они тут же затекли и заныли. Профессору везло долго: пока работал, болезнь обходила его стороной. Но, кажется, его везение наконец закончилось.

– Далеко собрался? – расклеил лаборант слипшиеся губы.

Поселенец усмехнулся. Оттолкнулся спиной от стены и делал шаг вперед.

– Наши сели. Грузовоз с Сумитры. Ты что, не слышал?

Его глаза жадно обежали полки. Лаборант сглотнул. Быстро оглядел коридор, ища, куда отступить. Зря он снял гермокостюм... пока будет надевать – этот его прикончит, а без костюма наружу не выйти.

– Какие – «наши»? – попытался он потянуть время.

Вместо ответа поселенец сделал еще шаг. Тусклый свет упал на его лицо. Лаборант закусил губу и отступил, натолкнувшись на стену.

– Я вижу, ты меня узнал, – хрипло сказал поселенец. Лаборант кивнул.

– Так может, договоримся? – продолжал поселенец. – Ты меня не видел и мирно возвращаешься к остальным... А мы за это тебя не тронем. Идет?

Подчинись, застучало в груди. Соври ему, что согласен. Вернись к больным, займись уходом за умирающими. А там еще неизвестно, чья возьмет...

Но, вопреки голосу разума, лаборант уже качал головой: нет.

– Ты же их убиваешь, – укоризненно сказал он. Поселенец тоже покачал головой:

– Ничего ты, Профессор, не знаешь... Хотя, – он потер стволом излучателя рассеявшийся, кровоточащий шрам на лбу, – в твоём случае меньше знаешь – крепче спишь...

Лаборант теперь видел ясно, что поселенцу немного осталось. На его лице застыли потеки затвердевшей слизи, сочащиеся из трещин разлагающейся кожи. Тот сделал еще шаг, и лаборант отступил в проем, рванул ручку, пытаясь задвинуть дверь за собой. Огляделся в поисках чего-нибудь, что сошло бы за оружие. Поселенец просунул руку – уже без шлема – в отверстие и потянул дверь в обратную сторону, пытаясь открыть.

Даже больной, Челнок был гораздо сильнее Профессора. Ручка дернулась, больно вывернув ему руку; лаборант ослабил хватку, и дверь отъехала в сторону.

Челнок переступил высокий порог и поднял излучатель.

– Прости, Профессор, – повторил он. – Но мне некогда. Твои же больные ждут, – Челнок усмехнулся.

– Подождут, – дрожащим от возбуждения голосом сказал лаборант, протянул руку и схватил с лабораторного стола тяжелый штатив. Замахнулся.

Его ослепила вспышка, припечатало разрядом к противоположной стене. Хватая ртом воздух, лаборант медленно съехал по ней на пол. Выпавший из руки штатив с грохотом упал. Во все стороны брызнули осколки кафеля.

Поселенец с сомнением посмотрел на распластавшееся тело. Но времени не было. Полка, под которую тогда завалилась коробка с лекарством, стояла у него перед глазами. Он прошел к шкафу и рванул дверцу в сторону. Опустился на колени – ноги тут же заныли, – сорвал перчатки и принялся пихать кровоточащие пальцы в щель между дном и нижней полкой. Нагнул голову, уставился в темный проход, но ничего не увидел.

Наверно, не тот шкаф! Челнок принялся распаивать дверцы и шарить под полками. Ничего. Проверил шкафы сверху донизу, сбрасывая медикаменты прямо на загаженный пол. Дошел до последнего, беспомощно огляделся и опустился на пол в кучу коробок и мягких упаковок. Закрыв голову руками и сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, пытаясь подавить слабость и головокружение.

Внезапная мысль осенила. Он поднялся и устремился к лабораторному столу, за которым Профессор проводил свои эксперименты. Принялся шарить среди упаковок, распечаток и хирургических инструментов. Выдвинул по очереди ящики стола. Нету, нету.

Челнок лихорадочно осмотрелся. В гудящем жерле электронного микроскопа стояло блюдечко с препаратом. Рядом на полу валялась смятая картонка. Он подбежал, схватил, развернул – оно! Пять таблеток в начатой упаковке. Разорвал картонку и дрожащими пальцами

принялся выковыривать из прозрачных окошек желтоватые таблетки. Они крошились, и поселенец слизывал крошки с ладони.

Челнок всухую проглотил две, подумал и выковырял из упаковки третью. Две сунул в нагрудный карман, про запас. Теперь только бы не свалиться, пока начнут действовать. Его трясло, хотелось пить, но пробовать воду из крана давно заброшенной лаборатории он не рискнул.

Поселенец бросил взгляд на загромождавшее пол-лаборатории тело Профессора и вывалился в коридор, держась за стены. Нахлобучил дрожащими руками шлем, кое-как защелкнул и вывалился наружу, пошатываясь и размахивая руками. Ему было совсем плохо. Глаза почти не видели. Ему показалось, что за углом медблока мелькнула и исчезла тень, но он уже плохо соображал.

Шаг за шагом Челнок добрался до припаркованного на стоянке транспортера. Влезть по ступенькам было не под силу – ноги не держали. Он вполз внутрь на карачках, вскарабкался на сиденье и трясущимися руками принялся искать ключи. Нашел. Теперь только бы завелся.

Транспортер затрясся и тронулся, но мотор еле тянул. Челнок вырулил на дорогу и медленно, толчками, повел транспортер к выезду с базы. Проехал мимо пустой будки охранника – имени он уже не помнил, тот заболел одним из первых и почти сразу помер.

Поселенец усмехнулся. Был человек – и нету. Но он, Челнок, тут ни при чем – его самого заставили. А кто – он даже под пыткой не смог бы сказать. Потому что сам не знает. И его человек – тот, что прибыл на корабле, – скорее всего, тоже не знает. Не знать – для здоровья полезней. Правила жизни везде одни, что на Земле, что черт-те где в дальнем космосе.

Мотор чихнул и потерял мощность. Транспортер дернулся раз, другой, и встал поперек проезда. Челнок дрожащей рукой пихал магнитный ключ в щель, но машина была мертва.

Поселенец выругался, саданул кулаком по панели – и взвыл от боли. Поднес руку к глазам. На лопающейся коже расплывалось сине-черное пятно.

Челнок застонал и вывалился из транспортера на дорогу. Выпрямился на неверных ногах, держась за кабину. Ничего. Через несколько минут ему станет легче.

Перед ним простиралась разбитая, в трещинах дорога. В километре она обрывалась, и начиналось каменное бездорожье. За ним, за скалистым кряжем, приземлился корабль.

Челнок стиснул зубы и оторвал руки от кабины. Сделал шаг, шатаясь и размахивая для равновесия руками. Посмотрел перед собой.

Выбора у него не было. Он должен был первым увидеть своего человека. Пока не спохватились конкуренты.

Он пошел, осторожно передвигая ноги и поминутно оглядываясь: много ли прошел? Много ли еще осталось?

Челнок уже не видел, как за его спиной скользнула в укрытие за валунами черная тень.

Часть первая

Глава 1

Экипаж впервые увидел зараженных на МА-2561.

Человек полз по обледеневшим камням им навстречу. Даже не полз – извивался внутри гермокостюма, уже переставшего функционировать: энергии умирающего организма батареям не хватало. Целью его схлопывающегося сознания был их корабль, черной скалой нависший над головами, погрузивший долину в холодную тень. Его надежда и спасение. И он полз.

Бой-Баба и Живых согнулись над ним, даже сквозь материал костюма чувствуя сводящие чужие мышцы судороги.

– Осторожно бери.

Живых кивнул, вглядываясь в лицо за смотровым стеклом шлема. Изнутри стекло было затянато испариной, как будто человека сжигала лихорадка. В наушниках слышались гортанные хрипы.

– Спокойно, мистер, – Живых потянулся к пораженному и тот, пытаясь ему помочь, последним усилием заюзил на камнях, раскинув ноги и руки, как перевернутая на спину черепаха. Живых повернулся к Бой-Бабе. – Давай его в транспортер.

– Отвезем на базу к поселенцам? – она заколебалась, прикидывая расстояние. Перед ними расстиралось заснеженное плато, а еще дальше, почти у линии горизонта, оскалившейся утесами, виднелись антенны и купола базы, миниатюрные на фоне гигантской иссиня-черной раковины Троянца.

– Не, на корабль ближе, – Живых огляделся. – На чем бы его перенести?

Бой-Баба, оскальзываясь и морщась от боли в оплетенных металлом искусственных мышцах, заспешила обратно к транспортеру. В два прыжка взлетела по лесенке, задрала заднее сиденье и вытащила пакет с термопокрытием.

– Чего сидишь, помоги! – кинула она съезжившемуся в кресле Питеру Маленькому. Питер вздохнул и начал выбираться наружу, а Бой-Баба уже громыкала по ступеням вниз.

– Перекладывай его!

Вдвоем с Живых они развернули термопокрытие на камнях. Питер суетился вокруг и издавал сочувственные звуки.

– Странно вообще-то, – Живых опустил на колени и приподнял незнакомца за плечи. – Что он в таком состоянии за двадцать километров от базы делает?

Бой-Баба усмехнулась:

– Я тебе про эти базы такого могу рассказать – последнюю веру в людей потеряешь. Голову ему придерживай, – бросила она Питеру.

Тот неловко пристроился сбоку.

– Раз. Два. Взяли!

Вместе переложили поселенца на термопокрытие и понесли. Раненый оказался тоже модифицированный, вроде нее с Живых: сквозь костюм прощупывалась могучая сталь протезов. Человек заваливался на бок и норовил соскользнуть в снег, так что эти двести с гаком кило приходилось еще и придерживать. Голова в шлеме бессильно упала набок, сквозь запотевшее стекло смотрели искаженные мукой глаза.

– Заноси, – скомандовала Бой-Баба, забыв, что вообще-то главным на борту транспортера был Питер. Он – член командного состава, она с Живых – неквалифицированный техперсонал, корабельная прислуга. Но Питер еще ни разу на ее памяти не принял самостоятельного решения. Так что пусть уж не обижается...

– Давай сюда, – Живых распахнул заднюю дверь, скинул с сиденья на пол шоколадные обертки и пустые банки, и опустил спинку.

Втроем они подняли и перенесли поселенца на сиденье. Питер щелкнул рычажком, и крышка люка со скрежетом опустилась. Заработали нагнетатели, восстанавливая дыхательную смесь на борту транспортера. Питер забрался в свое кресло и начал надевать наушники, чтобы связаться с кораблем.

Бой-Баба кое-как притулилась рядом с поселенцем на краешке заднего сиденья, обхватив его за плечи свободной рукой. Если неловко повернешься, все тело пробирает боль, а по искусственному глазу иногда пробегала рябь, но это уж, видно, до следующей модификации. Доверия европейским врачам у нее не было, но на этот раз выбора не оставалось: страховку перед полетом ей оформляла голландская сторона.

– Открыть ему шлем, может?

– Мы же не знаем, что с ним, – наконец подал голос Питер. – А вдруг там зараза какая? – Он с сомнением оглядывал поселенца, отодвинувшись в самый угол кресла, подальше от раненого. – На наших базах последнее время эпидемия за эпидемией. Здесь все было благополучно, но лучше перестраховаться.

Питер покачал головой и отвернулся к передатчику.

Лампочка на щитке жизнеобеспечения пораженного мигала ровно. Бой-Баба погладила его по руке, и лампочка замигала быстрее.

– Заводи, – сказала Бой-Баба. – Возвращаемся.

Питер повернулся в кресле, изумленно уставился на нее.

– Зачем? Не проще ли доставить пострадавшего к ним на базу? Это их человек, не наш. Разве не так?

Она вздохнула:

– Питер, до базы три часа ходу. Пока доедем – ночь будет, мороз ударит. Доставим к нам в медблок, Рашид окажет первую помощь. А завтра все равно к ним ехать, тогда и отвезем.

– Но если он был болен или ранен... тогда почему он ушел с базы? – Питер покачал головой. – Их медблок оборудован гораздо лучше нашего. Разве не так? Почему мы должны тратить на них наши медсредства?

В его рассуждениях была логика. Вот что больше всего пугало Бой-Бабу в этом рейсе.

– Наше дело довести, – сказала она, – а уж медик пусть разбирается.

Питер Маленький с сомнением покачал головой и покрутил пальцами рычажки на панели управления. Живых пристегнул поселенца ремнем.

В наушниках раздался хрип. Из-за спины Питера Бой-Баба бросила взгляд на приборную панель – давление в транспортере восстановилось – и дала Живых знак снимать с раненого костюм. Вдвоем они осторожно отщелкнули шлем. Бой-Баба тут же выхватила из аптечки квадрат марли и принялась бережно отирать взмокшее сине-черное лицо. Поселенец застонал.

– Осторожно! – вскрикнул Живых, указывая пальцем.

Бой-Баба отняла марлю – и вопль встал колом в горле. Под ее руками кожа на живом еще лице лопалась, испуская прозрачную сукровицу, тут же застывавшую кристаллами, похожими на скопления снежинок. Налитые кровью, изрезанные прожилками снежных кристаллов глаза смотрели на астронавтов, горло сотряслось от хрипов. Закраина гермокостюма на глазах зарастала такой же белой коркой.

– Ну вот, мать, и долетались, – тихо проговорил Живых. Она посмотрела на него. Он – на нее. – Че тарашись? Снежной чумы не видела?

– А кто ж ее видел, – разлепила пересохшие губы Бой-Баба. – Что стоим, поезжай! – повернулась она к Питеру. Но тот полустоял в своем кресле, уставившись на пораженного. Его взгляд с изумлением переместился на Бой-Бабу.

– Уже поздно... ехать, – Он покачал головой и опустил в кресло. – Ему уже не помочь. – И добавил шепотом: – Может быть, и нам тоже...

Бой-Баба с Живых переглянулись. Живых резко развернулся к Питеру.

– Слушай меня внимательно, – проговорил он. – Мы все в гермокостюмах. Через них никакая зараза не проникнет. Когда вернемся, пропустим транспортер через дезинфекционную камеру, а этого положим в изолятор. А завтра вернем его на базу. Бояться нечего.

Питер переводил взгляд с Живых на Бой-Бабу и обратно. У нее было сильное чувство, что он чего-то не договаривает. Но ей некогда было задумываться.

Питер помедлил. Сглотнул и предложил:

– Давайте лучше его вытащим и здесь оставим? Вон там за камнями спрячем. Никто не увидит.

Он оглядел обоих и добавил тише:

– Мы же случайно его нашли. Могли и не заметить. Разве не так?

Живых обменялся взглядами с Бой-Бабой, подошел, легко поднял Питера Маленького под мышки и перетащил в соседнее кресло. Бой-Баба перелезла через спинку в кресло водителя. Транспортер затрясся и медленно двинулся задним ходом, разворачиваясь на узком отрезке льда посреди провалов.

Питер понурился, но спорить с ними не стал. Да и куда с ними спорить! Бой-Баба вроде и привыкла, что на человека после аварии стала мало похожа, но всякий раз вздрагивала, уловив краем единственного искусственного глаза свое отражение в полированном металле аппаратуры. Нарощенные мышцы, оплетенные сталью, многофункциональные органы, тефлоновые сосуды – своего в ней осталась только коротко стриженная голова с какими-никакими мозгами. Да еще под заплатами клонированной кожи билось свое, старое сердце. Что есть, то есть.

Живых, собрат по несчастью, после гибели их корабля выглядел не лучше. Ну и должность на корабле у них теперь была соответствующая: техперсонал. Поднять-крутнуть-подержать, фактически одушевленные роботы. Но она не жаловалась. Главное, что осталась работать в космосе, а кем – дело десятое. Звезды в иллюминатор видно, и слава богу.

Бой-Баба сосредоточилась на управлении. Рядом с ней Питер вызвал по радио корабль, доложил ситуацию. Транспортер медленно поднимался в гору – туда, где в центре посадочного кратера уперся могучими опорами в камни их корабль – грузовой FD-3200.

«Летучий Голландец», как его прозвали в космопорту Сумитры – ближайшей к базе освоенной планеты, – потому что половина экипажа и капитан были голландцами.

* * *

Через полчаса док «Летучего Голландца» навис над их головами. Транспортер подкатил к погрузочной эстакаде, но странная вещь – ворота над ней не открылись. Вместо этого поднялся боковой малый люк и выпустил толстенького человечка в стерильнике, с чемоданчиком. Рашид, корабельный медик.

Он засеменил им навстречу. Бой-Баба встала, уступила место в командирском кресле все еще дрожащему Питеру, и тот защелкал рычажками, поднимая боковую дверь.

Бой-Бабу охватило странное желание загородить пораженного от приближения врача, но машинально, следуя инструкциям, ее руки уже вскрывали пакет экстренной помощи. Взяв пакет по лесенке, медик заглянул в транспортер и осмотрелся.

– Вот, – она показала на пораженного.

Медик кивнул и протиснулся в транспортер между Живых и Бабой. Отстранил протянутый ему пакет экстренной помощи.

– Он разговаривал? – первым делом спросил он.

– Хрипел, – отозвался Живых.

Врач поджал губы, глядя на вспухшее, залитое гноем лицо пораженного.

– Напрасно вы сняли шлем... Теперь придется все здесь дезинфицировать.

Он критически осмотрел астронавтов.

– Вам тоже придется возвращаться на корабль через дезинфекционную камеру. Скажите спасибо, что не кладу в карантин. – Рашид раскрыл чемоданчик и начал подсоединять зонды к разъемам гермокостюма. С важным видом, как будто простому смертному нельзя доверить такую ответственную процедуру, он принялся считывать показания приборов, шевеля толстыми губами. Иногда останавливался и, наклоняя голову со вживленным на виске эметтером, сверялся с сетевым справочником, часто моргая, чтобы развернуть перед глазами видимые одному ему страницы.

Наконец врач недовольно качнул головой и прикрыл чемоданчик. Задумался. Рука его, державшая зонд, слегка подрагивала.

– Я введу ему кардалгин, – он достал инъектор, порылся в аптечке, не нашел чего искал, пожал плечами, влез в свой чемоданчик и зарядил в инъектор стандартного вида капсулу. – Это снимет боль. На какое-то время.

Рашид вколол иглу в зонд, сосчитал до десяти, шевеля толстыми губами, и выдернул шприц. Тоненькая струйка крови поползла по стенке зонда.

Медик подождал, не спуская глаз с пораженного, сверяясь с часами.

– Ну что ж, идемте. – Он кивнул Питеру, и тот с готовностью взялся за ручку дверцы.

– Вы его сейчас заберете в медблок, да? – спросила Бой-Баба.

Рашид взглянул на нее удивленно.

– Как вы сказали?

– Я говорю, в медблок. – У нее упало сердце. – В изолятор?

Медик медленно покачал головой. Собрал свои инструменты, бросил в чемоданчик. Защелкнул крышку.

– То есть как? – Живых подался вперед. – Ему нужна помощь!

– Снежная чума неизлечима, – Рашид поднял валявшийся в проходе шлем поселенца. – Я сожалею.

Повернулся к пораженному и начал надевать шлем на его взмокнувшую, облепленную выпавшими прядями голову. Опухшие щелочки глаз смотрели на них. Растрескавшиеся губы беззвучно шевелились.

Бой-Баба вскочила.

– Питер, дай сюда переговорник! – Тот замешкался, и она вырвала микрофон у него из рук. – Будем говорить с капитаном. Посмотрим, что он скажет на ваше самоуправство.

– Капитан в курсе, – Рашид пожал плечами. – Он хотел поднять раненого на борт. Но мало ли чего хочет капитан! Приказы в данном случае отдаю я.

– То есть? – одновременно сказали Живых с Бой-Бабой.

Врач приосанился.

– Как сотрудник инспекции по охране здоровья и безопасности я вправе отказать командиру. Капитан настаивал на немедленном переносе пораженного на корабль. А я отменил его приказ.

– Как отменили, так и восстановите, – Бой-Баба принялась тыкать в экран, но Рашид вырвал у нее планшетку.

– Этот человек заразен и опасен, – отчеканил он, но смотрел при этом в сторону. Как будто избегал их взглядов. – Я принял решение: оставить его здесь, чтобы не заразить остальных. А вообще я не обязан в подобных случаях отчитываться ни перед кем. Особенно перед техперсоналом.

Питер подавил торжествующую усмешку. Врач повернулся и начал боком вылезать из кабины.

– Подождите! – крикнула Бой-Баба. – Заберите его с собой! – Она выскочила из транспортера, побежала за Рашидом. Тот не останавливался. Бой-Баба в несколько прыжков догнала его, схватила за рукав. – Ему же совсем плохо!

Рашид покачал головой.

– Я врач, и я обязан действовать по инструкции. – Он вырвал руку и решительно полез по лесенке в люк.

Через пару секунд бронированная створка опустилась с гулом и скрежетом, задраивая проем. Бой-Баба постояла в раздумьях и поднялась по ступенькам, железным кулаком заколотила по металлу.

– Откройте! Эй вы там, слышите?! – Она поднялась на ступеньку выше и пнула дверь сапогом.

Ее похлопали по спине. Бой-Баба обернулась. Перед ней стоял Живых.

– Вот так, – сказал он. – Мир победившей медицины. Хоть страховку с чипа не считал, прежде чем обследовать.

– Считал, – сказала Баба. – Я видела.

Они вернулись в транспортер. Дыхание поселенца в наушниках усилилось, превратилось в захлебывающийся клекот.

Питер возился у приборной доски, считывая показания приборов. Бой-Баба как-то сразу обмякла. Разом заныли все точки на теле, где тефлон и кевлар срастались с костью и кожей. Стало пусто и все равно. Что она пыталась изменить? Кто бы ее стал слушать? Взятая из милости уголовница, техперсонал, недочеловек...

– Можешь идти, – скомандовала она Питеру. Тот сгреб с приборной доски свои планшеты и датчики и, прижимая к груди, поспешно скатился по лесенке. Бой-Баба смотрела, как он вперевалку бежит к шлюзу дезинфекционной очистки. Поднялся люк, Питер вошел внутрь. Она отвернулась к раненому.

Время от времени она поправляла сползающую с сиденья руку поселенца, поглядывала на показания датчиков. Живой пока. Сердце качает кровь. Лечению снежная чума и впрямь не поддавалась, но, если захватить вовремя, то можно, наверно, хоть сознание сохранить, пересадить в донорское тело. В тюремной больнице после аварии она видела таких... пересаженных. Ничего, живут себе.

И этот мог бы жить. Она стиснула зубы.

Человек дышал спокойней, почти без напряжения. Она порылась в аптечке, вколола еще кардалгин. Доза большая, но какая теперь разница...

– Знаешь что, – вполголоса сказал Живых. Бой-Баба подняла голову. – Наверняка это не единичный случай. Я считаю – на базе уже заражение. Поэтому он и шел к нам.

– За помощью, – кивнула она.

– Надо будет еще раз поговорить с капитаном, – продолжал Живых. – Ехать на базу не завтра, а сейчас же. Подготовить медблок. А Рашида этого на консервацию, если вякнет.

Пораженный захрипел. Бой-Баба повернулась, погладила по руке, что-то сказала по-русски, что именно – потом не смогла вспомнить. Зато хорошо запомнила жесткие сухие глаза Живых.

Датчик на гермокостюме поселенца мигал. Все медленнее. Слабее.

Медленнее.

Погас.

Вдвоем с Живых они отсоединили от костюма датчики. Руки в перчатках сложили на груди. Накрыли тело с головой тканью термопокрытия. Вот так он и вернется на базу...

– Пошли? – спросил Живых.

Она медлила. Странно, что врач не подумал о протоколе – хотя что ему, он рассчитывает на медиков с базы поселенцев.

Бой-Баба нагнулась и стала расстегивать гермокостюм. Без эметтера личность по-другому не установить, нужен непосредственный осмотр тела.

Выполнив все предписания протокола и сняв данные с чипа, Бой-Баба сохранила информацию на своей карте памяти. Сделала несколько снимков с разных ракурсов, так, чтобы за смотровым стеклом не было видно лица. В костюме поселенец выглядел молодцом, бравым героем-астронавтом. Вдруг семья захочет узнать, как он погиб... детям будет что показать.

Расстегнула костюм. Осторожно, стараясь не касаться открытых участков кожи, проверила внутренние карманы. Начатая пачка каких-то таблеток, больше ничего. Она повертела пачку в руках, но названия на ней не было – просто картонная коробка. Желтоватые пилюли в прозрачных кармашках серебристой упаковки. Большинство уже раскрошилось – наверное, он подмял коробку под себя, когда упал...

Бой-Баба оглядела тело – что еще забыла? Вроде ничего. Отсоединять эметтер? Нет, на базе завтра сделают сами.

Вот теперь можно его оставить.

– Не понимаю, как он вообще оказался тут один, без транспортера? – повторила она. – Почему шел к нам, а не к себе на базу?

Живых не ответил. Он присматривался к телу, водя рукой по поверхности гермокостюма. Затем кивнул Бой-Бабе, и вдвоем они перевернули человека на живот, лицом вниз. Живых провел перчаткой по лопатке, и вдруг рука его замерла. Он кивнул напарнице. Отнял руку.

На серебристом материале гермокостюма сияла искорка.

Бой-Баба присмотрелась. Глаз автоматически настроил фокусировку, тут же заболела голова, но Бой-Баба уже поняла.

Пробоина.

Искусственные волокна по краям микроскопической дырочки – оплавлены. Вероятно, так же оплавлена и кожа под костюмом. И внутренние органы под ней.

– Это что же нужно, чтобы пробить гермокостюм? – прошептал Живых. – Оружие, и то не всякое возьмет. Да и оружия поселенцам не положено...

Бой-Баба усмехнулась:

– Оружия им не положено! Ты как вчера родился, честное слово!

Вот и ответ на ее вопрос: почему пораженный шел к ним, а не к своим.

– Что будем делать? – спросил Живых. Но она не ответила – думала.

По дороге на капитанский мостик, громяхая сапогами по коридорам, они не сказали друг другу ни слова.

Глава 2

Капитан Тео Майер выслушал их и приказал собрать экипаж в брехаловке. Техперсоналу кресел не хватило, так что Бой-Баба, Живых и бритоголовая стажерка медучилища Тадефи подпирали стенки. Остальные расселись вокруг столиков, на почтительном расстоянии от капитана и друг от друга. Питер Маленький ерзал на месте, держась за руку сидящего рядом пожилого бортинженера по имени Кок. Тот как будто не замечал, обводя и размазывая пластмассовой ложечкой пятно от кофе на столе. Тадефи – золотокожая марокканка с прозрачными зелеными глазами и пробивающимся на бритой голове белобрысым ежиком – стояла прямо, как палка, и сжимала стаканчик с кофе, обводя команду равнодушно-гордыми глазами.

В углу сидел надутый, как мышь на крупу, пассажир – инспектор из Общества Социального Развития, прибывший с ревизией на базу. Молодой, в неуместном на борту костюме с галстуком и блестящими от геля черными волосами, прилизанными на косой пробор. Бой-Баба за весь полет и двух слов с ним не сказала. Сначала обрадовалась, когда Майер упомянул, что инспектор тоже русский – «вот вам и компания». Но когда она заговорила с ним по-русски, инспектор прищурился на ее модифицированный скелет, поджал губы и притворился, что не понял. С экипажем он разговаривал на безграмотном английском, неуклюже выговаривая слова. Бой-Баба только имя его у Майера и узнала – Электрий. Ну-ну...

Инспектор сидел возле иллюминатора, ночная чернота которого отражала обстановку брехаловки: столики, кресла, автомат с кофе, еще один с водой, холодильник, бар, плакаты на стене. Комната чем-то напоминала зал свиданий в тюрьме, куда Живых приходил ее навещать во время следствия. Только там было полно детей и незнакомых баб, а тут одни и те же лица, из месяца в месяц.

В брехаловку ввалился третий русский из команды, дядя Фима – ответственный за безопасность экипажа, или попросту охранник. Багровое лицо его прорезал от виска до горла тонкий белый шрам. Могучая голова с вечно растрепанной седой копной крепко сидела на бычьей шее. Целыми днями дядя Фима сидел в своем «кабинете» – отсеке безопасности – и посматривал на датчики и экраны системы видеонаблюдения, проверяя, что делается в каждом уголке корабля. Слухи про дядю Фиму и его загадочное прошлое ходили разные, но именно он, подловив Бой-Бабу с Живых в коридоре Министерства Авиации и Космонавтики после аварии, замолвил перед Майером словечко и устроил их обоих на древнюю развалюху-грузовоз «Голландец» техперсоналом – «главное, что будете при космосе, а там посмотрим».

Тадефи при виде дяди Фимы расцвела простодушной детской улыбкой, показала на свой стаканчик с кофе – налить ему? – но тот помотал головой и как-то незаметно передвинулся, оказался за спиной у штурмана, поближе к капитану. Собрание пока не начинали – ждали медика.

Капитан молчал, ссутулившись, грея узловатые пальцы о стаканчик с кофе. Изредка он поднимал глаза и обводил помещение, еле заметно задерживая взгляд на каждом. Седые космы, перетянутые аптечной резинкой, спадали на спину. На виске бился пульсом эметтер.

Наконец дверь отъехала в сторону, и Рашид, бормоча под нос, начал торопливо пробираться по ногам сидящих поближе к кофеварке.

Справа от капитана штурман Йос открыл глаза, потер висок с эметтером, отключаясь от сети, и немедленно принялся тыкать в планшетку длинным пальцем, вводя информацию. Затем кинул планшетку на стол и откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Ввалившиеся глаза штурмана настороженно оглядывали присутствующих.

Майер откашлялся. Все примолкли, и даже Питер отпустил руку инженера.

– У нас ЧП, – глухо проговорил капитан. Он сидел ссутулившись в низком кресле, длинные тощие ноги широко расставлены, мосластые кулаки ритмично ударяли по коленям. Поднял глаза на Питера. – Доложите ситуацию.

Питер Маленький встал и, запинаясь, рассказал как умел, к чести его ничего не приукрашивая. Рашид важно кивал, особенно когда речь пошла о нем. В свою очередь он взял слово и говорил, не вставая, развалившись, употребляя длинные медицинские термины, значение которых Бой-Баба без эметтера помнила плохо. По рассказам обоих выходило, что они сделали все возможное для спасения жизни незнакомого астронавта-поселенца.

На столе возле капитана мигал огоньком диктофон: велась запись для протокола. Значит, в архивах все будет чинно и благородно.

– Медицина не всесильна, – бил себя в грудь Рашид. – Если властям или семье покойного будет угодно начать следствие – я повторю им то, что уже сказал вам. Связанный клятвой Гиппократа, я сделал все от меня зависящее, чтобы...

Бой-Баба подняла голову – и натолкнулась на внимательный, изучающий взгляд дяди Фимы. Она постаралась раскрыть рот, но не решилась. Ее колотило от возмущения.

Перед собранием, выслушав их наедине, капитан приказал обоим не говорить никому ни слова о том, что в поселенца стреляли. Мятую картонную коробочку с неизвестным лекарством он забрал себе. Это, заявил Майер, люди Общества Соцразвития, вот пусть оно с ними и разбирается. Просто придется ехать на базу с оружием и внимательно смотреть по сторонам.

– Мы не знаем, что с ними! – раздался громкий голос бортинженера Кока. – Этот человек шел к нам неспроста! Возможно, он хотел нас предупредить о том, что на базе заражение! Что туда идти нельзя! – Бортинженер помолчал, пытаясь успокоиться, Питер поглаживал его по руке. – И не говорите мне, что никто здесь не боится инфекции. – Инженер обвел глазами кают-компанию. – Я знаю, что случаи заболевания еще не наблюдались так близко к Земле. Но мы должны быть осторожны. В любом случае я вам там не нужен. Но врач – обязательно. Его, конечно, надо взять.

– Я не понимаю, зачем вам там врач? – Рашид откинулся в кресле. – На базе свои медики и лаборатории, даже установка для прижизненной консервации. Я даже не говорю о Троянце и его возможностях. Уверен, что эта штука умеет восстанавливать из мертвых, если ее как следует попросить! – Он повернулся к капитану, взмахнул руками. – Наша задача – доставить на базу господина инспектора, вот пусть он и едет. Заодно может взять на себя почетный долг сообщить колонистам о смерти их товарища.

Капитан перевел взгляд на черноголового Электрия. Тот остался сидеть, перекинув ногу на ногу, и рассматривал свои ногти.

– Вы ставите передо мной непростую задачу. Она имеет несколько составляющих, требующих ориентированного подхода. – Молодой инспектор избегал глядеть остальным в глаза. – В рамках моей миссии я считаю настоящее посещение базы нецелесообразным.

Капитан внимательно посмотрел на инспектора из-под редких рыжих ресниц.

– Ну что ж, – сказал он, – в таком случае никто не будет возражать, если я сам назначу наряд. Отправятся немедленно, – Тео Майер обвел всех взглядом и обернулся к стоящему у него за спиной дяде Фиме, – господин охранник как ответственный за безопасность экипажа...

Дядя Фима кивнул и потер руки, предвкушая поездку. Майер продолжал всматриваться в лица экипажа:

– Из техперсонала пойдут астронавт Бой-Баба и астронавт Живых...

Питер испуганно посмотрел на капитана, ожидая своей очереди.

– И господин врач.

Рашид вскинул пухлые руки:

– А если в это время кому-то из экипажа станет плохо? Господин бортинженер нуждается в постоянном медицинском контроле, – он взмахнул рукой, указывая на Кока. – Его диабет может декомпенсироваться в любой момент!

Кок страдальчески свел брови – да, действительно так, – и важно кивнул.

– Поэтому, – быстрые глазки Рашида оглядели присутствующих, – пусть с вами отправится... – толстый указательный палец повис в воздухе, – мисс Тадефи! – Он испытующе оглядел юную марокканку. – Да, именно! Ей как будущему врачу необходима практика. Вот пусть она и едет, – торжествующе заключил он.

Бой-Баба открыла рот от возмущения, а смуглая Тадефи вздрогнула и повернула голову в сторону врача. В глазах у нее было удивление: как так? Все ждали ее ответа, но она опустила голову и стояла молча, кусая губы.

Тут не просто страх перед инфекцией, подумала Бой-Баба. Тут что-то еще. Она перевела взгляд с Тадефи на врача, но тот уставился в угол, как будто не слышал.

Тадефи подняла голову. Разлепила пересохшие губы. Упрямая искорка сверкнула в зеленых глазах.

– Я с удовольствием выйду... на поверхность, – проговорила она задыхаясь, ни на кого не глядя. – Я... я постараюсь помочь тем, кто... заболел. – Она подняла голову и с вызовом посмотрела на Рашида. Тот расплылся в улыбке, довольный.

Тадефи повернулась к Бой-Бабе.

– Я очень рада, что мы пойдем вместе, – добавила она вполголоса.

Бой-Баба, как могла бережно, подержала своей клешней руку девушки и отпустила.

Она заметила, что Майер тоже не сводил глаз с Тадефи и Рашида. Теперь капитан еле заметно усмехнулся и продолжил:

– Значит, договорились. В случае заражения без моего решения ничего не предпринимать. Гермокостюмы не снимать, даже в помещениях. И немедленно назад. – Он остановил диктофон. – Вернетесь, и тогда решим, как нам следует поступить.

Через десять минут гигантские прожекторы озарили плато. Длинная тень транспортера скользила впереди него по нависающим скалам.

* * *

Лаборант по прозвищу Профессор лежал на спине. Ему было жестко, и больно повернуться. Тело его сотрясал озноб. Вокруг стояла непроглядная тьма, а от холода зуб на зуб не попадал.

Профессор провел рукой и брезгливо отдернул ладонь – плиточный пол, грязный и липкий. Попытался приподнять голову и сморщился от рези в затекшей шее. Где он? Сколько так пролежал?

Лаборант заерзал, цепляясь пальцами за швы между плитками. После нескольких попыток он перевернулся, встал на четвереньки и принялся ощупывать пол вокруг себя. Натолкнулся на ребристый железный край то ли двери, то ли дверцы шкафа, не поймешь. Прерывисто дыша и перебирая вверх руками, кое-как подтянулся и встал, расставив руки и уткнувшись лицом в стену.

На каждом шагу останавливаясь, чтобы перевести дух, лаборант медленно пошел вдоль нее, ощупывая холодную металлическую поверхность. Что-то знакомое... Что с ним произошло? – Он не мог вспомнить.

Болела грудь, но не все время, а если неловко повернешься. Еще кружилась голова и было трудно дышать – с каждым вздохом все труднее. Лаборант зашарил по стене в поисках выключателя, рука то и дело наталкивалась на какие-то кнопки, но нажимать их он не решился.

Жизнь на базе научила Профессора осторожности. Не только с кнопками, но – особенно – с людьми.

Ну да. Он же на базе, вспомнил он. Сегодня... он охнул, и темнота вокруг поплыла – сегодня прилетел грузовоз с Сумитры.

С проклятым Рашидом на борту.

Лаборант потерся головой об стену, вытирая стекающий со лба пот. Зубы по-прежнему стучали от озноба, сердце колотилось, а воздуха не хватало. Он прислушался и различил в тишине тихий ритмичный стук шлюзового нагнетателя, подающего в строение лаборатории дыхательную смесь. Вроде работает. Тогда почему ему трудно дышать?

И тут Профессор вспомнил все, что произошло.

Он вспомнил Челнока с самопальным излучателем. На базе были свои умельцы, для которых запрет на оружие на дальних планетах – только способ заработать. Но разряд у них получался слабый, убить из такой штуки толком не убьешь. Значит, Челнок обездвижил его и запер в лаборатории, а сам отправился на встречу с людьми Рашида.

Лаборант поднял голову, прислушался к неровному ритму нагнетателя. Еще не факт, дойдет ли Челнок до корабля. Конкурентов у него хватает. Проследят, пристрелят, заберут товар. Только вот достанется, как всегда в их разборках, ему – Профессору.

Он закашлялся от недостатка воздуха, вспоминая расположение лабораторий, и наощупь выбрался в коридор. Где же гермокостюм-то этот чертов... и зачем он вообще его снимал...

Хватая ртом остатки воздуха, он наконец нашарил костюм и баллоны и приник к мундштуку с кислородом. Легкие обжигало холодом, но голова прояснялась. Сейчас выйти из медблока – и к остальным. И вести себя примерно. А там видно будет.

Он влез в гермокостюм и начал прилаживать шлем.

Только это его и спасло.

В наушниках затрещало, и лаборант услышал искаженные микрофонами голоса за секунды до того, как поехал, открываясь, люк шлюзовой камеры. Он метнулся вглубь коридора и притаился за открытой дверью в отсек консервации. Над головой вспыхнули лампы. Металлический пол коридора загудел под шагами.

В наушниках тяжело дышали два человека.

– Да не было его тут, – хрипло сказал один. Лаборант вжался в угол между стеной и закраиной двери. Если пойдут сюда – увидят.

– Был. Уж я-то его знаю, – прошелестел больным горлом второй, и лаборант закусил губу, узнав голос.

В гермокостюме ему не было слышно, куда они направляются, а кафельный пол камеры консервации не передавал вибрации от шагов. Но сюда им идти незачем... пока.

Он повернулся и осмотрел камеру. Свет из коридора падал на зачехленные капсулы консервации, на отключенные приборы поддержания жизни. В наушниках тяжело дышали эти двое. Кажется, они в лаборатории... что-то ищут.

– Слышь, Контролер, – прохрипел в микрофон первый. – Зря ты дал ему уйти. На корабле людей Рашида в лицо не знают. Спокойно можно было нам самим вместо Челнока подгрести. – Он нехорошо захихикал. – Встречайте, мол, господа хорошие!

Второй ответил не сразу.

– Зачем нам силы тратить? – наконец произнес он тихим голосом, от звуков которого у лаборанта – как и у большей части поселенцев – волосы вставали дыбом на загривке. – Они сами сюда подвоят, куда денутся. Вот тогда с ними и поговорим...

Сердце лаборанта застучало. Значит, у них изменились планы. Люди с грузовоза приедут сюда, на базу. Проклятье! Он тяжело задышал, забыв, что те двое слышат его через микрофон так же, как и он слышит их.

– Что там такое? – произнес второй голос. Лаборант затаил дыхание. Те двое тоже не дышали, вслушиваясь. Долго ему так не вытерпеть. Он сжал губы, напряг все тело и сдерживал дыхание до тех пор, пока перед глазами не поплыли огненные круги.

– Показалось тебе, – отозвался первый. Лаборант воспользовался моментом и втянул в легкие воздуха, сколько смог. Опять тишина. – Да не, Контролер, ну кому тут быть?

– А Профессор? – спросил второй. Лаборант непроизвольно вжался в стену. – Кто его сегодня видел?

– А что Профессор? – проворчал первый. – Как будто он что знает, Профессор этот... он только и умеет, что... – добавил он гнусное ругательство. Второй устало каркнул несколько раз – рассмеялся.

Лаборант затаился, как мышь, за закраиной двери. Внутренняя оболочка гермокостюма насквозь пропиталась холодным потом. Те двое ругались, искали что-то. В наушниках хлопали двери лабораторных шкафов. Наконец загремел входной люк. Погас свет, погрузив медблок в кромешную тьму. Контролер и его человек ушли, хмуро переговариваясь.

Лаборант подождал еще немного. Сколько времени, интересно? Он осторожно прошел по коридору, взгляделся в смотровой щиток наружного люка – темно. Ночного освещения на базе нет, ничего не видно. Но по дальним скалам прыгал отсвет далекого прожектора. К базе приближался транспортер с грузовоза.

Сердце Профессора забилося. Только бы успеть! Выбраться самому и остановить людей Рашида. Оружия у него нет... ну что ж. Они наверняка пойдут сюда, в лабораторию. Он подождет их тут.

Профессор пересек лабораторию и потянул в сторону дверь в блок консервации. Если он сумеет захватить – как, он пока еще не знал, – людей Рашида, он сможет спрятать пленников в капсулах консервации. Они послужат его делу – отысканию средства против болезни. Лаборант уже пытался проводить опыты на умирающих, но некоторые из этих опытов оказались болезненны... а Профессор не хотел омрачать последние дни жизни товарищей мучениями.

А вот люди Рашида заслужили медленную смерть, кивнул он сам себе.

В одном из лабораторных шкафов он нашел то, что искал: обсидиановый скальпель с молекулярно-тонким армированным острием, предназначенный для препарирования подопытных крыс. Крыс для исследований Профессору требовалось немало. Благо, на базе они водились в изобилии: грызуны быстро поняли, что на поверхность планеты выходить опасно, можно замерзнуть или задохнуться, и засели в норах, проделанных в вагончиках поселенцев, настороженно блестя глазками. Но сегодня, если все пройдет удачно, место крыс займут люди. Хотя какие они люди! Хуже крыс...

Профессор прищурился в смотровой щиток. Луч прожектора окатывал светом проводочные ограждения возле входа. Транспортер остановился. Мотор замолк.

Профессор сжал скальпель в руке и затаился за закраиной входного люка.

* * *

– Смотри-ка, – заметил Живых в микрофон, – вроде все нормально. Темно. Спят как суслики.

Мощные фары освещали распахнутые ворота базы. За стальной сеткой ограждения были кое-как запаркованы транспортеры. Один из них стоял снаружи, наискось, перекрывая въезд. В будке охранника горел свет.

– Башку снести за такую парковку! – от дяди-Фиминого рыка заложило уши. Он хлопнул дверцей и направился к будке. Внутри под герметичным куполом мигали на панели огонечки. Охранника на месте не было. Дядя Фима развел руками, подошел к брошенной машине, загля-

нул внутрь. Вскочил на ступеньку, и через секунду зарокотавший транспортер плавно двинулся в сторону, освобождая дорогу.

Дядя Фима вырулил к обочине и вернулся в кабину. В руке он сжимал мятую картонную коробочку из-под лекарств, вроде той, что была в кармане мертвого поселенца. Небрежным движением охранник убрал ее в карман.

Бой-Баба обернулась посмотреть, как там тело мертвого поселенца между сиденьями. Тот лежал смирно. А вот Тадефи рядом с ним смотрела, не отрываясь, на дядю Фиму и его оттопырившийся карман. Дыхание ее в наушниках становилось все резче. Все-таки страшно на незнакомой планете в первый-то раз, усмехнулась про себя Бой-Баба.

Транспортер миновал пустые ворота и медленно поехал по дороге между двух рядов приземистых герметичных вагончиков. Впереди затмевал собой беззвездное небо изгибистый диск Троянца.

Офисы и мастерские стояли пустые и темные, и жилые строения позади них отсвечивали чернотой в иллюминаторах.

– Не нравится мне это, – Живых нахмурился. – Охранника нет, и все как вымерли...

– Типун тебе на язык, – сказала Бой-Баба.

Дядя Фима уже поворачивал машину в один из бетонных дворики. Громадина их грузового транспортера нависла над двухместным желтым электроходиком, припаркованным возле проволоочного ограждения жилого модуля.

– Офигели они совсем, на необитаемой планете заборы ставить? – произнес Живых. – От кого отгораживаются? Куркули несчастные...

Дядя Фима глянул на астронавтов и махнул головой в шлеме: выходите.

Автоматические жалюзи на иллюминаторах были опущены. Охранник постучал в дверь. Послушал. Тишина. Стукнул еще раз, и еще. Попробовал ручку. Заперто. Нажал кнопку на панели управления шлюзовой камерой. Дверь не открылась. Надавил опять, постоял в раздумьях, глядя на Бой-Бабу, кивнул на угол модуля.

Она поняла без слов, повернулась и пошла вдоль стены модуля. Свернув за угол и, оказавшись с неосвещенной стороны, подняла голову и нашла, что искала: под козырьком плоской крыши виднелся на высоте человеческого роста белый ящичек распределительного щитка.

На «Голландце» она, как техперсонал, отвечала за все электрооборудование. Привычным движением Бой-Баба вскрыла щиток и нащупала в темноте ряд выключателей. Все стояли в положении «выкл». Электричество в модуле было вырублено, только и всего.

Ребром ладони она перевела тумблеры вверх, в рабочее положение, и лицо ей озарили замигавшие огонечки. Из дома донеслись бодрые голоса телеведущих, мужской и женский, когда-то давно включенные на полную мощность.

Когда она вернулась к двери, Дядя Фима с Живых уже вошли в модуль. За ними, оглядываясь по сторонам, как кошка, осторожно ступала Тадефи, прижимая к груди чемоданчик с аптечкой.

Внутри царил хаос. Постели не заправлены, сопревшие одеяла валяются в куче на полу, сбившиеся простыни – в дырах и пятнах. Столики жилых отсеков оказались завалены грязными одноразовыми тарелками, нестираным тряпьем и мусором, чашками с давно присохшим ко дну кофе...

Бой-Баба молча осматривала комнату. Состояние поселенцев на дальних базах обсуждали уже тысячу раз. Что ни говори, а база очень похожа на тюрьму: и спишь чуть ли не друг на друге, и все время одни и те же разговоры, одни и те же рожи и голоса. Тяжкий труд, вечная ночь, и жар, и мороз, и все прелести искусственного жизнеобеспечения.

Астронавтам было легче, потому что астронавт всегда куда-то летит, у него есть цель. У поселенцев не было цели – по крайней мере, так считало большинство из них, заставляя себя забыть все, что оставили на Земле, до заветного момента: выхода на пенсию. Даже эмет-

терами поселенцы пользовались в основном для того, чтобы проверить, не съела ли инфляция их пенсионные накопления. Да и общаться с ними в сети мало кто хотел: с землянами им было не о чем разговаривать, а контакты между базами часто перерастали в неразрешимые споры: инспекции получали жалобы, разгребали возникшие из ничего финансовые тяжбы и без продыха копались в их грязном белье.

Немногие хорошие команды жили сплоченно именно потому, что общались в основном между собой. Делили все тяготы: себе ношу побольше, другу поменьше. Здешняя когда-то была одной из таких команд. Была...

Дядя Фима раскрыл стенной шкаф и начал осторожно перекладывать вещи на полках. Вот он выгреб с верхней какой-то мусор, внимательно рассмотрел его на ладони. Понюхал. Задумался. Огляделся вокруг, подобрал с пола грязную бумажную салфетку, завернул мусор и аккуратно уложил в карман.

Тадефи замерла и напряженно наблюдала за охранником, вглядываясь в его находку. Тот перехватил ее взгляд и нахмурился.

– Что там такое? – не удержалась Бой-Баба.

Дядя Фима уклончиво покачал головой:

– Надо будет у Рашида в лаборатории проверить. Но если это то, что я думаю, то неудивительно, что тут такой бардак. Я удивлюсь, если поселенцы вообще соображали, где находятся.

– Наркотики, что ль, какие? – ввязался Живых.

Охранник повернул к нему голову:

– А ты не смейся. От здешней жизни не то что наркотики – крысиный яд ложками жрать начнешь.

Они проверили еще несколько жилых модулей, но все были закрыты и обесточены. С тем и вернулись к транспортеру.

– Давайте еще медблок проверим, – Живых оглянулся на приземистый бетонный бокс возле въездной парковки. В его герметически задраенных иллюминаторах поблескивала тьма. – Может, там больные есть. Смотреть, так уж все.

– Да, давайте посмотрим, – подала голос Тадефи. Она жалась к транспортеру, испуганно оглядываясь по сторонам. Бой-Баба нагнулась и заглянула в стекло шлема девушки. На нее посмотрели огромные испуганные глаза.

Дядя Фима обернулся, раздумывая. Прищурился, разглядывая в свете прожекторов строение медблока, и медленно покачал головой.

– Уверен, что они все по зимнему времени перебрались внутрь Троянца, – сказал он наконец. – Там тепло, свет, воздух, посуду мыть не надо... Чего им торчать в этих консервных банках?

– Это не по инструкции, – Живых поморщился, повернул голову несколько раз туда-сюда на оплетенной проводами могучей шее. – Троянцев запрещено использовать для постоянного проживания. Они недостаточно изучены.

Дядя Фима усмехнулся:

– На базах народ быстро забывает про инструкции. Тут только внутренняя дисциплина. Если ее нет – все, погибла планета. Вот так-то, братцы...

Он кинул внимательный взгляд на медблок, пожал плечами и с силой пихнул в сторону дверцу транспортера.

– Не понимаю я, – сказал Живых, залезая в транспортер. – Если им тут так плохо, почему они не вернутся? Зачем себя мучить?

Охранник пожал плечами и поерзал, устраиваясь поудобней в водительском кресле.

– Гарантированные выплаты, уверенность в завтрашнем дне. Пенсия, страховка. А ты будущего никогда не боялся? Когда жрать нечего и больной зуб вырвать не на что?

– Я их сам себе рву, – Живых на заднем сиденье раскрыл металлические клешни-руки. – А если серьезно, то о завтрашнем дне беспокоиться – в космос не летать. – Он оглядел унылые серые вагончики за проволочными заборами. Покачал головой.

– Теперь поняла, – сказала охраннику Бой-Баба, забираясь внутрь вслед за Тадефи. – Вот почему наши голландцы на корабле все свободное время в брехаловке сидят, пенсии свои с карандашиком высчитывают.

Дядя Фима кивнул:

– Это их последний полет, красивая. Они же все ветераны, с Майером вместе начинали. Боятся прогневить страховую, налоговую, пенсионный фонд... перед самым выходом в отставку потерять все – страшно.

Транспортер проехал еще с пару сотен метров по разбитой морозами бетонке, мимо мертвых модулей с поблескивающими черным иллюминаторами, и встал. Дальше дороги не было – начинались биопосадки. Пластиковое покрытие парников запотело изнутри. Дядя Фима выскочил с водительской стороны, перебежал дорогу к первому ряду посадок, нагнулся и прижался носом к пластику, вглядываясь. Не отрываясь, поманил остальных.

Одним прыжком Живых рядом с ним. Присвистнул.

– Что там, что там? – Бой-Баба соскочила вниз, подбежала к товарищу и всмотрелась в пластик через его плечо. Там тускло, вполнакала, горели лампы. Конденсация струйками стекала по внутренней поверхности парника, открывая аккуратные ряды покрытых зеленым пластиком грядок с прорезями на равном расстоянии, из которых торчали сухие веточки и почерневшие листья. Между грядками стояли на рельсах огородные машинки. Не булькала в гидропонике вода. И странный звук, тихий и надрывной, доносился от работавших всухую помп.

Дядя Фима выпрямился, качая головой. Повернулся к остальным.

– Ну что, айда к Троянцу?

Сердце Бой-Бабы забилося: скорее, скорее туда. Она никогда ни о чем не мечтала – такой уж характер – и после суда запретила себе даже надеяться, что когда-нибудь вновь войдет в коралловую пасть Троянца.

А вот и она, в десятке шагов, и Тадефи машет им с Живых рукой, чтоб поторапливались.

Дядя Фима разглядывал зеркально-черную поверхность гигантского изогнутого диска с просвечивающими изнутри узорами, похожими на письма. Повернул к ним голову, и глаза его светились радостью и страхом.

– Вы не представляете, братцы... я до этой самой минуты в них до конца не верил... Все думал – сказки журналистов, газетные утки. Но оно... они... ведь это – оно? – он протянул руку и остановил ее в сантиметре от поверхности, вблизи напоминавшей огромную перепонку, как на крыле у летучей мыши. – Их можно трогать? Оно не рассердится?

Бой-Баба кивнула и сама осторожно протянула оплетенную проводами руку к поверхности диска.

– Их можно гладить. Они это любят. Любят, когда с ними разговаривают. – Она коснулась стальными, членистыми пальцами диска, и по поверхности пробежала волна. Но спустя мгновение диск потемнел, спрятав письма. Разводы были нездорового кислотно-зеленого цвета.

– Странно, – проговорила астронавтка. Поманила остальных и приблизилась к зеркальной стене.

Та, против ожидания, не расползлась от ее мысленного приказа, как пленка на глазах проснувшейся кошки. Вместо этого маслянистые перепонки чуть приоткрылись и замерли, открыв в середине узкий – едва руку просунешь – проход. Живых что-то пробормотал. Дядя Фима подошел поближе и заглянул внутрь.

– Темно, – сообщил он, не поворачиваясь.

– Такое ощущение, что он... нездоров, – сказала Бой-Баба.

– А они вообще болеют? – Живых осторожно коснулся пальцем края перепонки, и та отпрыгнула, подтянувшись выше, как рожок улитки.

– Не знаю, – сказала Бой-Баба. – Наш-то всегда был в полном порядке. – Она подошла вплотную к отверстию и вгляделась, но дядя Фима был прав – внутри стоял мрак.

– Я слышал, – проговорил охранник, – что они подпитываются энергией экипажа. А здесь он стоит на приколе... необитаемый... может быть, это...

– Ох, не лезь, – сказал Живых, повернувшись к Бой-Бабе.

Та не ответила. Когда-то она хорошо умела чувствовать состояние своего Троянца (из уважения к странно-живой природе этих неведомых созданий кораблями их никто не называл, а называли «носителями»), и сейчас ею вдруг овладел неосознанный страх, передавшийся от этой громадины. Бой-Баба вновь приложила ладонь к покрытой слизью поверхности.

Троянец боялся.

– Успокойся, мой хороший, мой маленький, – зашептала она кораблю, как поджавшему хвост щенку, а мозг уже посылал волевой импульс, приказ командира: впустить нас внутрь.

Перепонки затрепетали и распахнулись, как лепестки диафрагмы. За ними показался тоннель, освещенный слабым багровым свечением.

Дядя Фима радостно оглянулся:

– Ну что, братцы, пошли? – И, шагнув на неверную, податливую поверхность, первым полез внутрь.

Минуло уже почти тридцать лет с того дня, когда робот-исследователь обнаружил в затененной глубине лунного кратера первого Троянца. Подобный с виду морской раковине диск с добрый километр в поперечнике отзывался на любой мысленный приказ. Собственно, так люди и узнали, что роботы тоже наделены зачаточной способностью к мышлению.

Поначалу никто не доверял инопланетному кораблю. Кто знает, с какой целью его оставили? С легкой руки журналистов создание прозвали Троянским Конем и использовать не спешили. Но слишком велико было искушение, и еще совсем тогда молодого капитана Тео Майера пересадили на первого Троянского Коня, переименованного для краткости в Троянца.

С тех пор на астероидах и дальних планетах Солнечной Системы обнаружили еще с десяток дисков. И мир изменился. Открыв Троянцев, человечество смогло наконец выйти в дальний Космос. Диски обладали свойством выбирать наикратчайший путь к точке, заданной мысленным приказом, и устремлялись к ней путем, известным только их давно сгинувшим создателям. За три десятилетия люди освоили несколько десятков планет в ближайших системах. Диски послушно доставляли на Землю руду и минералы, без которых земное производство давно уже встало бы.

Повинуясь робкой просьбе первых исследователей, Троянцы выдали на-гора множество удивительных и часто бесполезных вещей, но лучшим их творением стал аппарат дальней связи. Как сами Кони преодолевали десятки световых лет одним скачком, так и связь между ними не зависела от расстояний. Было только одно «но»: Троянцев было мало, срок их жизни был неизвестен, поэтому использовали их только в крупных межзвездных экспедициях. На коротких рейсах земные аналоговые корабли вроде древнего «Голландца» все еще служили: медленно, но верно. В полете проходили месяцы и годы, платили плохо, кормили и того хуже, но космос есть космос. Один раз там побывав, астронавт никогда больше не мог прижиться на Земле.

Обнаружение Троянцев также решило проблему «голландской болезни». Миллиарды прозябавших на мизерном пособии безработных во всем мире обрадовались – или сделали вид, что обрадовались – созданию баз на новооткрытых планетах. Ведь им предложили ни много ни мало стать поселенцами и свалить на халяву в космос. Все издержки взяло на себя Общество Социального Развития, которое и финансировало содержание баз. А просидевшие всю жизнь на социалке приняли их помощь как нечто, полагающееся им по праву.

Но годы бесполезности меняют человека. Мало кто из бывших безработных сумел привыкнуть к новой жизни в лагерях поселенцев, где нужно было отвечать за свои слова и действия, вставать и ложиться по звонку, работать двенадцать часов в сутки просто для того, чтобы не сойти с ума от потерянности. Голландская болезнь – потеря интереса к жизни и атрофия инициативы у безработных-долгосрочников – настигала землян, куда бы они ни сбежали из Солнечной Системы.

Глава 3

Как только транспортер со спасателями покинул док, пассажир – черноволосый инспектор по имени Электрий – вернулся в свой отсек и запер за собой дверь. Для связи с дирекцией он не пользовался эметтером: слишком рискованно, всегда кто-то может встрять в разговор... или подслушать. Перед полетом Электрий настоял на том, чтобы ему разрешили использовать старый корабельный передатчик. Штурман Йос покорячился, но согласился.

Это уменьшало риск: подслушать разговоры Электрия мог только кто-нибудь из команды. Впрочем, он и без того никогда не говорил вслух ничего такого, в чем пришлось бы позже раскаиваться. Привычка эта уже не раз выручала его в щекотливых ситуациях.

Электрий вызвал центральный офис Общества Социального Развития и долго говорил с ним, кивая в ответ на указания директора.

Закончив разговор, инспектор так же долго сидел молча, постукивая пальцами по поверхности стола. Наконец он вздохнул, резко встал и вышел в коридор.

Он надеялся застать капитана одного.

Электрий был в космосе в первый и, бог даст, последний раз. Команду он не понимал. Кем же нужно быть, чтобы провести всю жизнь в консервной банке! Впрочем, кто-то должен осваивать космос. И потом, у этих людей просто не было выбора. Их скромное происхождение и отсутствие средств на приличное образование не давало им возможности добиться в жизни большего.

Инспектор усмехнулся. Вот он всего в жизни достиг сам. Ему есть чем гордиться.

С детства Электрий догадывался, что где-то на свете есть другая жизнь и другие люди. Они не считают последние копейки, согнувшись над счетом в баре. Им вызывают визажистов в офис за счет компании улыбчивые секретарши. Старшие менеджеры приглашают их на партию в бридж, где на сороковом бессонном часу игры решаются все вопросы о повышении по карьерной лестнице.

Электрий стыдился родителей, недолюбливал одноклассников – о чем ему с ними, в конце концов, говорить? – и они платили ему той же монетой. Но у старшеклассника Электрия Суточкина уже тогда созрел план. Он – лучше поздно, чем никогда – засел за английский. Попытки найти работу в российском филиале одной из престижных космических программ не увенчались успехом: там первым делом требовали диплом, резюме, опыт работы. Пришлось переменить тактику.

Проболтавшись год с небольшим в барах дорогих отелей, Электрий Суточкин наконец женился – на Саскии, немолодой стриженной туристке из Голландии. Это – правда, не сразу, а через пять лет брака с регулярными полицейскими проверками и переводом всех средств Саскии на совместный банковский счет – давало ему право на паспорт гражданина Европы. Затем, оформляя этот паспорт в Гааге – городе будущего, столице небоскребов – он прошел мимо рвущегося с земли в небо здания Общества Социального Развития и понял наконец, где его место. Понял, что он готов на все, лишь бы расположиться по-свойски на одном из белозолотых диванов приемной Общества.

Деньги на поддельный диплом он снял с бывшего счета Саскии: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Наконец перед Электрием лежало то самое будущее, о котором он когда-то мечтал, развываясь на родительском диване в обшарпанной многоэтажке.

Он рано освоил правила продвижения по службе в Обществе Социального Развития: случайно попасться директору на глаза на поле для гольфа, сделать удачный и в меру двусмысленный комплимент своей пожилой начальнице, говорить на утренних летучках правду в глаза о недостатках своих более способных коллег... Зато к своим двадцати пяти годам Электрий

занимал неплохую должность: не настолько крупную, чтобы от него потребовалось просиживать на работе вечерами, но достаточно высокооплачиваемую, чтобы не заботиться о взносах в пенсионный фонд.

Электрий подошел к трапу, ухватился белой рукой за поручень и полез наверх. Перед полетом директор дал ему понять, что это поручение может стать поворотным пунктом в его карьере.

На мостике стоял полумрак. Капитан Майер ссутулился над пультом управления. Остальные два кресла пустовали.

Инспектор откашлялся. Капитан повернулся. Смерил его взглядом.

– Транспортер еще не добрался до базы, инспектор. Я понимаю, что вам не терпится узнать о судьбе поселенцев, но нам всем придется подождать. – В голосе у Майера была ирония, которую инспектор предпочел не заметить, но сделал мысленную заметку для памяти.

Электрий кивнул и без спросу опустил в соседнее кресло.

– Я пришел к вам не как представитель Общества Соцразвития. Они загружены делами. Я пришел как человек, разделяющий ваше безусловное беспокойство о судьбе корабля и команды.

Майер еле заметно пожал плечами. Инспектор продолжал:

– Я только что беседовал с нашим руководством. Они очень обеспокоены сложившейся ситуацией. И той необходимостью принять тяжелое решение, которая легла на ваши плечи.

Капитан потряс головой.

– Любезно с их стороны. Но мое решение будет зависеть от того, что именно группа обнаружит на базе.

– Вы безусловно правы, – закивал Электрий. – Именно это и имел в виду директор. И еще он сказал...

Инспектор сделал многозначительную паузу. Майер поднял голову.

– Он сказал, что, какое бы решение ни принял капитан – то есть вы, – Общество примет его сторону. Каким бы неприятным и непопулярным оно ни было. Вы понимаете, – он выразительно посмотрел на капитана и произнес тише, – понимаете, в каком смысле следует понимать его слова?

Майер покачал головой:

– Мне некогда вникать в ваши корпоративные игры. – Он подошел к лежавшей на столе схеме местности и принялся делать пометки на территории базы. Электрий поднялся и встал у него за плечом.

– Вы служите уже не первый год, капитан... – сказал он вполголоса. – Директор поставил меня в известность, что вы намереваетесь уйти в отставку после этого полета...

Капитан продолжал заниматься своим делом. Растрепанные седые волосы нависали над его изрезанным морщинами лбом.

– Говорите прямо, – наконец процедил он, – что они прислали вас сказать?

Тонким пальцем Электрий коснулся схемы в месте расположения базы.

– Если информация группы подтвердит, что на базе присутствует эпидемия – что нам пока не известно, – то у нас безусловно нет никакой возможности спасти пострадавших. Сотрудники наших фармакологических лабораторий уже десять лет ведут активную работу, пытаясь оградить поселения от этой чумы космического века.

Он помедлил и длинным полированным ногтем перечеркнул изображение базы. Поднял глаза на капитана. Тот смотрел на него без выражения. Понимает, с облегчением подумал Электрий.

– Как совершенно справедливо заметил господин медик, – продолжил Электрий, – существует серьезная опасность занести инфекцию на Землю и другие обитаемые планеты. Этого, как сказал мне господин директор, безусловно следует избежать. Любой ценой.

Он сделал паузу, глядя в глаза капитана.

– Вы понимаете, что я имею в виду, господин Майер? Любой ценой.

Капитан посмотрел на него тяжелым взглядом.

– Там мои люди.

Электрий наклонил голову.

– Понимаю. Но, к сожалению, рекомендации директора распространяются на всех потенциальных носителей ин...

Он не закончил. Майер выпрямился во весь рост. Электрий задрал голову, чтобы лучше увидеть реакцию капитана, и счел за лучшее замолчать. Тео Майер уставил на него светлые глаза.

– Вон, – тихо произнес он и сделал шаг вперед. Электрий попятился. – Ступайте вон.

Инспектор скатился вниз по трапу. Обида жгла ему грудь.

А обиды Электрий помнил долго.

* * *

Внутри Троянца было неладно. Переливчатые пленки на стенах коридора отсвечивали нездоровым зеленым. Пол не пружинил под ногами, подталкивая идущего вперед, а поддавался и густел, словно трясина. Оглядываясь, Бой-Баба видела расплывшиеся ямки следов там, где они только что прошли. Ямки медленно затягивались, оставляя радужные разводы на поверхности.

На датчиках состава окружающей атмосферы угрожающе мигали красные лампочки. Значит, система очистки не тянула. А раз так, в обратный путь на нем отправляться нельзя.

Бой-Баба и Живых переглянулись, но волновать остальных не стали. Да никто их и не спрашивал. Дядя Фима топал вперед, вздыхая и шепча что-то. Он то и дело задирает голову и блестящими от восторга глазами оглядывал внутренность носителя. Тадефи держалась поближе к нему, прижимая к груди чемоданчик и пробуя носком сапога пол перед тем, как наступить.

Говорили, что диски не похожи друг на друга. Но здесь было что-то большее. Бой-Баба помнила случай, когда их Троянец занедужил, затосковал в самый разгар полета. В тот раз также наблюдалась вялость диска в подчинении командам, нежелание идти на контакт. Техникам про случившийся сбой она ничего не сказала, чтоб ее не упекли на проверку психической адекватности. Но здесь было что-то похожее.

Идущий впереди всех дядя Фима осторожно провел рукой по слезящейся перепончатой, как шляпка гриба, поверхности тоннеля:

– Неладно здесь что-то. Если они действительно пошли сюда, то где их тогда искать? – Он повернулся к Живых и Бой-Бабе. – И что вообще тут такое? Как все устроено? Этот тоннель, куда он ведет? Есть какая-то схема помещений?

– Схем не бывает, – ответила Бой-Баба. – Тоннель всегда ведет туда, куда требуется.

Охранник прищурился:

– А если требуется невозможное? Например, если я захочу попасть в мою квартиру на Земле?

– Он создаст копию, – сказал Живых. – Извлечет из мозга информацию и создаст. Это якобы все, что он может – отвечать на подсказки мозга. Так принято считать.

Бой-Баба открыла рот возразить, но удержалась. Ну, нет разума у Троянцев, ей-то какое дело? И тут же ощутила, что подумала лишнее: багровое свечение потускнело, и впереди обозначился извив тоннеля.

– Погодите, – пробормотала она.

И услышала стон.

Стон, и неразборчивую речь, и шевеление многих тел. Сразу за поворотом обнаружилась дверь – точнее, не дверь, а такая же перепончатая перегородка, – и она расползлась, когда люди приблизились к ней. Не до конца разошлась, но пролезть можно.

В полутьме ощущались уходящие ввысь стрельчатые переборки. Между ними на полу сидели и лежали люди. Истощенные тела, полопавшаяся кожа, обсыпанная снежными кристаллами. Полураздетые мужчины и женщины с голыми торсами, в углу горой навалены гермокастюмы. Да, система очистки явно не справлялась.

В ближней ко входу группе в сознании был лишь один мужчина. Он поднял на астронавтов налитые кровью глаза. Растрескавшиеся губы страдальца обрамлял белый кристаллический налет. Живых ринулся вперед, на ходу доставая флягу с водой. Позади него остановилась Тадефи, пугливо оглядываясь по сторонам. Она открыла чемоданчик и принялась собирать аппарат первой помощи.

– Вы пришли... – шевельнул запекшимися губами человек. – Как хорошо... спасибо...

Астронавты огляделись. Поселенцы замотали раны чем смогли, но расходящиеся трещины на лицах и руках источали быстро застывавшую белесую слизь. В глубине зала тихими всхлипами заходил ребенок на коленях у замотанной в тряпки матери.

– Помогите... – пораженный мотал головой. Глаза его закатились.

Живых нацепил на изможденное запястье мужчины медицинский браслет, подсоединил к зонду. Присел на корточки, вглядываясь в лицо поселенца.

– Сколько вас?

Тот бессвязно забормotal. Бой-Баба пошла вперед, считая людей и выискивая среди них тех, кто оставался в сознании.

В глубине зала тени сгущались. В темноте что-то шевелилось. Бой-Баба включила фонарик и тут же отскочила, наступив на что-то мягкое.

Видимо, пораженные из последних сил стаскивали сюда умерших. Свет фонарика упал на беззубый оскал. Лишенная глаз и волос голова... Ноги и нижняя часть туловища мертвеца уходили глубоко в перепончатое покрытие стены. Перепонки шевелились, издавая чмокающий звук. На глазах Бой-Бабы тело дернулось и продвинулось еще на несколько сантиметров вглубь стены.

Да, система очистки не тянет, вновь подумала Бой-Баба. Троянец тоже не резиновый, столько трупов переработать...

Кто-то потянул ее за руку. Бой-Баба оглянулась. Позади нее, тяжело дыша, стоял дядя Фима. Он смотрел на потихоньку пожираемый труп, и глаза у него были круглее обычного.

– Тадефи с тобой? – торопливо спросил он. – Ты ее видела?

Бой-Баба помотала головой.

– Только что с нами была! – Дядя Фима беспомощно огляделся, пошел вдоль стены, перешагивая через тела и растерянно всматриваясь в почерневшие лица трупов.

– Ее здесь нет! – крикнул он Живых, подняв наконец голову, но мягкие оболочки далеких стен и высокого потолка поглотили звук. Со своих подстилок на полу на них оглядывались больные.

Живых подбежал к Бой-Бабе с дядей Фимой, держа в руках бутылочку с антисептиком. Лицо его, бледное от волнения, посерело, когда он увидел трупы.

– Надо идти искать, – сказал он, тяжело дыша. – Говорил я ей от меня не отходить! – Живых возбужденно огляделся. – Она ж зайдет черт-те куда! В Троянцах человека год искать

можно. Иногда, говорят, только по трупному запаху и находили. – Он смотрел прямо перед собой, но губы у него тряслись.

Что-то он уж очень волнуется, подумала Бой-Баба.

– Уж сразу трупный запах, – проворчала она. Оглядела зал. – Спокойно. Сейчас пойдем искать. Никуда Тадефи не денется.

Она сделала шаг, высматривая среди лиц кого-нибудь поприветливее. Действительно, каждый Троянец был устроен на свой манер. Пойдешь искать наобум – он будет тебя водить кругами. Год не год, но добрую неделю промаешься. Вот если бы кто-то из здешних вызвался быть проводником по их носителю...

Тут ее потянули за стальной локоть.

– Простите, – прошелестел глуховатый женский голос.

Бой-Баба обернулась. Позади стояла, завернувшись в одеяло поверх засаленного комбинезона, маленькая худенькая женщина с глубоко посаженными глазами и сильной проседью в нечесаных волосах мышиного цвета. Ранние морщины избороздили осунувшееся лицо. Но рука ее была нежной и легкой, и улыбка тут же осветила болезненное лицо.

– Я, кажется, знаю, где ваша девочка, – сказала женщина, повернувшись к дяде Фиме с Живых. Она тяжело дышала, всхрипывая и морщась. – Мне показалось, что она... кого-то увидела среди больных. У нее было такое лицо, как... как будто она кого-то узнала.

– Кого она могла узнать?! – возмутился Живых. – Мы тут пять минут всего.

Женщина пристально посмотрела на астронавта.

– У нее было такое лицо, – повторила она, – словно она испугалась кого-то и... убежала. Я вам покажу, куда.

Она выплевывала короткие, рубленые фразы – воздуха в гниющих легких не хватало.

– Все как нарочно, – проговорил Живых. Он метнул нетерпеливый взгляд на Бой-Бабу. – Чего встали? Пошли!

Женщина сделала им знак следовать за ней и скользнула в темный проход, похожий на мягкие складки багрового горла.

* * *

Переваливаясь гусеницами по раздолбленному бетону, транспортер астронавтов давно исчез в направлении Троянца, а лаборант по прозвищу Профессор все еще сжимал в исхудавшей руке остроконечный обсидиановый скальпель, глядя на опустевшую дорогу перед медблоком базы.

Все это время он наблюдал за пришлыми в свободный ото льда уголок иллюминатора. Они ездили по территории, входили и выходили, махали руками и вертели головами за отсвечивающими стеклами шлемов. Лаборант попробовал настроить приемник на их частоту, но стены лаборатории экранировали сигнал с микрофонов астронавтов. Он так и не понял, почему, вместо того, чтобы сразу идти в медблок – условленное место встречи с людьми Рашида, – они сначала поехали к Троянцу.

Профессор выдрал клоч ветхой подкладки костюма, обмотал им немислимо острое лезвие скальпеля и уложил его в карман штанов. Тащиться пешком обратно к Троянцу уже не было сил. Но он должен их остановить. Там больные... и его жена. Люди Рашида сразу ее вычислят... она же у него каждой бочке затычка, везде ей надо встрять, всем помочь. И тут поможет, не удержится. А они ее за это...

Он поднял шлем, всунул в него вспотевшую от волнения голову, защелкнул крепления. Еле переставляя ноги и перебирая руками по стене, потащился к выходу. Уже стоя в шлюзовой камере и слушая рокот нагнетателя, до него дошло: ведь Челнок так и не вернулся на базу. На корабле остался, что ли?

Люк отъехал в сторону, открыв ночное звездное небо. Челнока оставили насильно, осе-
нило его. Эти люди с грузовоза ведут двойную игру.

Лаборант стиснул зубы, и во рту стало солоно от закровоточивших десен. Он их остано-
вит. Ценой своей жизни, если потребуется.

Он не помнил, как дотащился до Троянца. Ему было жарко, пот стекал по хребту под
футболкой. Входное отверстие корабля трепетало, полузакрытое. Внутри розовели слюдяни-
стые перепонки. Лаборант прислонился к пружинящей поверхности живого корабля смотро-
вым стеклом шлема и так стоял, отдыхая.

У него не было сил отдавать Троянцу волевой приказ, и он попросту пролез в податли-
вое, покачивающееся отверстие, растягивая его стенки плечами. За ним начинался полутем-
ный проход. Зная людей Рашида, они должны идти на встречу с Челноком или его конкурен-
том. Имени его лаборант не знал и никогда до сегодняшней встречи в медблоке не видел. Его
вообще мало кто из поселенцев видел. Конкурент общался с простым человеком через свою свиту.

Не раздумывая, лаборант полез на четвереньках вперед. Черный пол покачивался под
коленями, над головой нависал пластинчатый, как изнанка гриба, потолок. До Профессора
доносились стоны и глуховатые разговоры поселенцев, скопившихся в центральном зале. На
мгновение ему показалось, что он слышит и голос жены, глухой и задыхающийся. Слава богу!
Эх, собрать бы десяток-другой тех, кто еще на ногах, да захватить этот злосчастный грузовоз!
И на нем всем рвануть отсюда, на Землю или еще куда, подальше от этой жалкой замороженной
планетки.

А что, если... Лаборант остановился и осторожно поднялся на ноги, упираясь руками в
противоположные стены. Полностью выпрямиться так и не удалось: потолок оказался слишком
низким. Профессор нахмурился, сосредоточившись. Посланцы Рашида сейчас здесь. Догово-
риться с парой-тройкой надежных людей, захватить чужаков в заложники... Он не замечал,
задумавшись, что проход вокруг него потемнел, его стены сблизились, почти обхватывая его
фигуру. Дышать стало труднее. Даже просто держать глаза открытыми было тяжело. Сомнений
больше не оставалось: он действительно заболел.

Еле переставляя ноги, Профессор тащился по темному проходу, и тут впереди послы-
шался тоненький звук. То ли плач, то ли смех. Лаборант ускорил шаг, но коридор вдруг начал
петлять, и звук с каждым шагом становился все глуше, пока совсем не затих. Лаборант побе-
жал, морщась от боли в суставах, и звук снова приблизился; теперь Профессор ясно слышал –
это был молодой женский голос, и он неуверенно звал кого-то.

Лаборант дернулся, спеша приблизиться к голосу и его обладателю, и вляпался лицом и
грудью в студенистую тепловатую массу. Проход впереди него зарастал, затягивался слизью.
Отступив, человек впечатался спиной в такой же зарастающий тупик. Стены прохода сужались
вокруг него, стягивались. Словно муха, пойманная в паутину, Профессор дернулся раз, другой,
чувствуя пружинящее, сдавливающее объятие Троянца.

Он попытался разодрать кокон пальцами, но те соскальзывали со студенистой поверхно-
сти. Лаборант вспомнил про свой обсидиановый скальпель, полез было за ним, но плечи сда-
вило со всех сторон и рука в карман не попадала. Чем больше он дергался, тем крепче завязал
в пахнувшей мускусом полупрозрачной массе. Воздуха стало не хватать. Голова закружилась.

С женой не простился, успел подумать лаборант. Тьма закрутила его, завертела и выплю-
нула в огромный тоннель, в дальнем конце которого сияло солнце.

* * *

– Осторожно, – сказала полуседая женщина в одеяле. – Здесь у нас система очистки.

Бой-Баба и дядя Фима по стеночке обошли засасывающую живую воронку, косясь на неопознанные органические остатки в ее пульсирующем алом горле.

– Хорошо, что мы Живых там оставили, – вполголоса сказал дядя Фима. – Только рас- психовался бы. За свою Тадефи.

Он искоса посмотрел на Бой-Бабу. Она промолчала. А что тут говорить?

– А вы не видели, – обратилась она к женщине, резко меняя тему, – кого Тадефи в зале заметила? Вы сказали, что она испугалась и поэтому убежала. Не обратили внимания, кто это был?

Женщина усмехнулась и встряхнула немойтой копной волос.

– У нас здесь свои порядки, – прохрипела она больным горлом. – Но вам о них лучше ничего не знать. И девочке вашей, если... когда, – поправилась она, – мы ее найдем, лучше об этом сразу забыть и никому не рассказывать. А то у нас тут народ нервный...

Больше она ничего не сказала, и Бой-Баба решила ее не допрашивать. Не хочет говорить, и фиг с ней. Они сами все увидят и разберутся.

Группа поиска прошла еще с пару сотен метров по живым, податливым проходам, и впе- реди раздался короткий, испуганный вскрик Тадефи.

– О-го-го-го-гой! – во всю глотку орал дядя Фима, пробираясь по сузившемуся проходу и растягивая податливые стенки в стороны громадными красными руками.

– Таде-е-е-ефи! – не в тон вторила Бой-Баба, спотыкаясь и падая на неровной поверхно- сти пола.

Женщина в одеяле не кричала, но внимательно всматривалась в сузившийся перед ними проход. Нежно прикасалась легкими руками к стенкам, и они расходились от ее прикоснове- ния.

– Троянец чувствует опасность, – взволнованно сказала она. – Это что-то особенное. Он никогда раньше не вел себя так.

– Таде-е-е-ефи! – завопила Бой-Баба, крутясь на месте и прислушиваясь к мерному шеле- сту потолочных пластинок.

– Я вас слышу, – раздался совсем рядом хриплый от слез голосок.

Они повернули на голос. Тадефи сидела у стенки прохода, вжавшись в податливую поверхность. Бой-Баба кинулась к ней, схватила за плечи, внимательно осмотрела хрупкую фигурку в гермокостюме.

– Ты жива? Все в порядке?

Тадефи посмотрела на нее снизу вверх, и из глаз ее покатались по лицу слезы. Бой-Баба присела на корточки рядом с ней. Тадефи развела руки и обхватила ее шею. Прижалась, тяжело дыша.

– Чего ты испугалась? – спросила Бой-Баба полусерьезно, не рассчитывая на ответ. – Чего ради убежала?

Тадефи помотала головой:

– Я не знала, что тут... все так плохо. – Она всхлипнула и машинально вытерла запотев- шее изнутри стекло шлема рукавом. – Я думала, это так... просто болезнь... а тут... – Она подняла голову и настороженно посмотрела на пришедшую с ними женщину.

– Я вас там видела, – сказала она жестко. На удивление Бой-Бабе женщина ответила таким же настороженным взглядом.

– Помочь – это мой долг, – глухо сказала она. – Но будь на то моя воля, вы все и близко к базе не подошли бы. Лучше смерть, чем помощь от таких, как вы.

Она с вызовом посмотрела на Бой-Бабу. Та открыла рот – и промолчала, прижимая к себе за плечи Тадефи. А та, словно поняв, о чем говорит женщина, уткнулась Бой-Бабе в стальную грудь и заревела еще пуще. Глаза и нос за стеклом шлема покраснели и мокро блестели – не вытереть.

– Ну, все! – скомандовала Бой-Баба, поднялась на ноги и помогла встать Тадефи. – Поплакали – и будет. А сейчас пошли обратно... нужно все осмотреть, нужно составить план, как проводить эвакуацию. Вернемся на корабль, заберем остальные транспортеры и медикаменты и будем людей вывозить. Ты, как будущий врач, нам должна помочь, – встряхнула она Тадефи за плечи. – Ты меня слышишь?

Девушка подняла на Бой-Бабу заплаканные глаза.

– Я не знала, что тут такой ужас... – повторила она. – Что они так больны... понимаете? – и обернулась к женщине. – Я правда не знала. Я не виновата.

Женщина поджала губы.

– Идемте, – отрывисто ответила она, хватая воздух, – что уж теперь-то... Если правда, что вы говорите насчет... насчет эвакуации этой, то, может, хоть что-то хоро... хорошее для всех нас из этого получится...

Они вернулись коротким путем – Троянец больше не вилял, а вел их прямо. Женщина в одеяле медленно шла впереди, держась за локоть дяди Фимы, и останавливалась каждый раз, когда приступы кашля сотрясали ее исхудавшее тело. За ней неловко вышагивала по покачивающемуся полу Бой-Баба, обнимая за плечи Тадефи. Та смотрела в сторону, пряча от всех хмурое, злое лицо.

* * *

Лаборант расклеил глаза, залепленные теплой слизью. Он дышал... кажется. Попробовал двинуть рукой, потом головой – но заросший проход крепко держал его и не пускал. Вокруг стояла крошечная тьма: Профессор хлопал глазами, но не видел ничего, кроме черноты в разветвляющихся красных прожилках.

Где-то рядом раздались голоса: хриплый, сердитый бас Мойры, его жены, и еще чьи-то незнакомые... причем один голос жестяной, нечеловеческий. Система обработки звуковых сигналов мозга, догадался он. Среди астронавтов было два то ли андроида, то ли модифицированных человека. Одному из них и принадлежал механический голос без интонаций.

Он не слушал. Он устал. Люди Рашида были тут, в двух шагах, и он не мог ничего с этим поделать. Троянец держал его крепко. Профессор дернулся, и объятие теплых перепонки стало крепче, проход сжался, пережимая ему артерии. Обсидиановый скальпель в кармане не давал лаборанту покоя. Хотя... на базе уже были случаи, когда потерявшие рассудок поселенцы нападали на Троянца. Конец их был всегда разный и одинаково поучительный. Нет, хорошо, что до скальпеля не дотянуться.

Слово «эвакуация» прозвенело в усталом разговоре. Профессор насторожил уши. Нет, не может быть. Это новая ловушка. Их не могут вернуть на Землю. Скорее всего, просто хотят вывезти с базы, прикончить втихую в герметически запертом грузовом блоке под предлогом дезинфекции и таким образом завершить бесславный эксперимент.

– Они лгут! – попытался крикнуть он. – Они хотят нас всех убить! – Пленки обхватили крепче, придвинулись ко рту.

– Бегите! – замычал он, отодвигая, насколько возможно, голову от залепившей рот пленки. – Спасайтесь...

В уши зашептало, тепло и ласково: уходи, уходи, уходи... Все еще пытаюсь кричать, предупредить, Профессор закрыл глаза и провалился в мягкую тьму.

* * *

Питер Маленький выслушал доклад и вздохнул в динамике:

– Я... хорошо, я позову капитана.

Через несколько долгих минут Майер наконец отозвался. Повторяя ему доклад, Бой-Баба слышала, как капитан вполголоса отдавал приказания. Затем ответил:

– Хорошо. Возвращайтесь и помогайте Рашиду готовить изоляторы и установку консервации. Мы же за это время подготовим транспортеры, воду и первую помощь, а потом отправимся все вместе эвакуировать поселенцев.

– Они умирают, господин капитан, – сказала Бой-Баба.

В наушниках раздался глубокий вздох:

– Значит, чем раньше вы вернетесь, тем скорее мы сможем выехать на помощь. Поезжайте, не теряйте времени.

Она вернулась с вестями. Все внутри сжималось: как уходить? Пораженные провожали их жадными взглядами. Дядя Фима повернулся к ним и поднял руки, призывая к вниманию.

– Мы сейчас уходим, – пророкотал он. – За помощью. Вернемся с транспортом и всех отсюда вывезем. Сейчас принесем вам воды и аптечки, чтобы вы продержались до нашего возвращения.

Зал наполнился шорохами и гулом голосов поселенцев.

Астронавты пошли мимо групп людей.

– Мы только на минутку, – отвечала Бой-Баба всем, кто ловил ее взгляд. – Сейчас вернемся с подмогой. Держитесь. Мы скоро.

Когда транспортер разворачивался к выезду с базы, Бой-Баба оглянулась на закрывающую полнеба раковину носителя. Ее края колыхались кроваво-красным.

Глава 4

Транспортер уже возвращался к кораблю, а Электрий все мерил шагами свой отсек. Он искал способ выполнить приказ Общества. Не удалось с капитаном – ну что ж. Значит, нужно найти другое решение. Майер по недалёковидности решил укунить руку, которая его кормит? Что ж, именно поэтому он всего лишь капитан, а Электрий уже инспектор.

Неожиданная мысль остановила его шаг. Ну конечно – как он об этом не подумал. Электрий торопливо посмотрел на часы и вышел в коридор. Прислушался к голосам, удовлетворенно кивнул и зашагал к блоку управления.

Но на этот раз он направлялся не на мостик. Инспектор шел на смех и голоса, доносившиеся из брехаловки.

За шаг до распахнутой двери инспектор помедлил, собираясь с мыслями. В общих чертах он уже знал, что им скажет. По телу его пробегала судорога возбуждения: впервые в жизни законопослушный и трусоватый Электрий решился блефовать.

Он переступил порог и огляделся.

Трое из членов экипажа развалились в креслах вокруг столика. Штурман Йос тыкал стилусом в калькулятор, пересчитывал цифры и, шевеля губами, заполнял графы в высвечивающихся на экране планшетки формулярах. Потом открывал таблицы зарплатных ведомостей, обводил в них стилусом суммы, плюсовал, минусовал, вводил в формуляры...

Электрий кивнул всем и без церемоний заглянул в экран через плечо штурмана. Йос поднял на него глаза.

– Даже здесь пенсионный фонд достает, а? – Штурман бросил планшетку на стол и потянулся. – Замучился считать. Никаких денег не захочешь. Сейчас еще страховая начнет тереть – совсем работать некогда будет.

Инспектор внутренне напрягся. Главное, с самого начала взять верную ноту.

– Насчет страховых вы, безусловно, правы! – уверенно начал он. – Я полагаю, вы слышали о новом распоряжении?

Кок с Питером с интересом повернулись на его голос. Инспектор прошел к свободному креслу и уселся рядом с Йосом.

– С этого года все страховые компании переходят в ведомство охраны здоровья и безопасности. Все страховые случаи будут рассматриваться их комиссией, и решение будет приниматься в зависимости от соблюдения пострадавшими их распоряжений. – Инспектор откинулся в кресле и наблюдал за их реакцией.

Астронавты помолчали, переваривая новость.

– Не может этого быть, – выговорил Питер Маленький. – Ведь страховая система... она тем и сильна, что никому не подчиняется. Особенно охране здоровья и безопасности. Разве не так, Кокки? – повернулся он к пожилому бортинженеру.

Тот неуверенно пожал плечами.

– Это решение витало в воздухе, – наконец сказал он, – уже довольно давно.

Йос механически продолжал постукивать углом планшетки о стол, глядя на инспектора.

– Любопытно, – процедил он. – А нас это как-то заденет?

Электрий помедлил. Директор Общества Соцразвития сказал ему: убеждай, как хочешь, говори, что хочешь. Ну что ж. Он поднял голову на астронавтов и заговорил:

– Судя по всему, эта инициатива исходила от самих страховых. Они приняли решение больше не принимать к рассмотрению случаи, произошедшие с нарушением норм охраны здоровья и безопасности граждан. Во избежание злоупотреблений.

В брехаловке воцарилось молчание. Йос покачал головой и презрительно поджал губы.

– Чертовы бюрократы, – наконец процедил Кок. – Собак им было мало, теперь и до нас добрались.

– Собак? Каких собак? – не понял инспектор.

Кок усмехнулся:

– Инспекция по охране здоровья и безопасности издала приказ для полиции, чтобы те перед преследованием преступника с собаками брали с него справку об отсутствии аллергии на собачью шерсть.

Питер неуверенно хихикнул.

– Ну все, – проворчал Йос. – Пропал космос. Теперь будут летать по одобренным маршрутам, и чтоб не дай бог у грузового андроида чирей на заднице не вскочил, а то до конца дней ему из своего кармана платить будешь. – Помолчал. – Надеюсь, хоть обратной силы этому закону не дадут? А то всех нас по миру пустят. Может, затем все это и затевается.

– Насчет обратной силы мне ничего не известно, – буркнул инспектор, поднялся и подошел к иллюминатору. Приложился лбом к холодному стеклу и уставился в темноту. Выдержав паузу, добавил веско:

– Но это, безусловно, возможно.

Времени было в обрез: транспортер вернется с минуты на минуту. Но надо дать экипажу время усвоить новость и сделать выводы. Понять, что спасение зараженных поселенцев может обернуться для них потерей работы, страховки и пенсии. И что они сами могут превратиться в таких же безработных и кончить жизнь на базах в дальнем космосе.

Астронавты сидели и молчали. Первым подал голос Питер:

– Господин инспектор?

Электрий с готовностью поднял голову.

Питер помялся:

– Я тут думаю, о чем вы сказали... вот это новое распоряжение... как по-вашему, оно может иметь отношение к нашим сегодняшним событиям?

Внутренне торжествуя, Электрий помотал головой: не понимаю. Питер продолжил:

– Господин медик сегодня уже говорил, что спасение пострадавших с базы противоречит требованиям этой самой инспекции по охране здоровья и безопасности. Разве не так? – он оглянулся на Кока.

Тот кивнул. Повернулся к Электрию.

– Не значит ли это, что они могут нас лишить всего, если мы в пику их распоряжениям доставим пораженных на большую землю?

Инспектор осклабился. Этим не придется долго убеждать. Он наклонил голову:

– Они обладают широкими полномочиями... Могут конфисковать жилье за неуплату... могут даже арестовать ваш пенсионный фонд.

Йос зло хлопнул ладонью по тощему колену.

– Кок, а ведь ты прав! Вот сволочи! Мы тут сидим, а они уже делят наши денежки! – Он поднялся. – С их миллионными бонусами они наших кровных даже не почувствуют... а вот мы останемся без гроша и без будущего...

– Ты куда? – спросил Кок.

Йос поджал губы:

– Пойду говорить с Майером. Я из-за горстки бездомных неудачников все в жизни терять не намерен. Своя рубашка ближе к телу!

* * *

– Я не допущу самоуправства! – В коридоре ближнего дока Кок переводил взгляд с Бой-Бабы на дядю Фиму и Живых, который тащил к транспортеру баллоны с кислородом.

Охранник помотал головой:

– Приказ Майера. Готовим транспортеры и едем вывозить поселенцев. Позаботьтесь, чтобы к нашему возвращению их можно было сразу же изолировать...

– Изолировать! – Кок всплеснул руками. – У нас нет таких мощностей. Этот корабль не рассчитан на эвакуацию людей. Сколько их там? Куда вы их хотите грузить?

– В дальнем доке разместим, – сквозь зубы сказала Бой-Баба и усмехнулась. – Лежачих на багажные полки штабелями положим. Как-нибудь складируем всех.

– Я не могу этого допустить! – не понявший иронии Кок встал у нее на дороге, но Бой-Баба отмела его легким движением локтя, заодно принимая от охранника коробку с антисептиками. Бортинженер продолжал:

– Я немедленно поставлю Землю в известность о вашем самоуправстве. Посмотрим, что скажет инспекция по охране здоровья и безопасности! Вы ставите под удар весь экипаж!

Дядя Фима сделал шаг вперед и красной пятерней припечатал Кока к стенке.

– Инспекция по охране здоровья? Чьего здоровья – твоего? Или ихнего?

Кок побелел. Питер бегал вокруг охранника, хватал его за руки и заикался. Бой-Баба усмехнулась.

Кок потряс пальцем в ее сторону.

– Вот к чему приводит брать в команду посторонних! Вот источник наших проблем! Какое вопиющее несоблюдение субординации! Она за всех уже все решила – поставить под удар экипаж и судно, занести заразу на Землю!

Бой-Баба молчала. В тюрьме она здорово научилась молчать.

А Кок все не унимался:

– Спросите у кого хотите – на ее корабле была анархия и разложение, и она принесла их сюда! Кого вы слушаете? На ее совести смерть целого экипажа!

Бой-Баба вздрогнула.

– Пошли, дядь Фим, – она кинула коробку в транспортер и захлопнула дверцу. – Ну их на хер. Давайте, ребята, там люди ждут.

Они уже заканчивали перетаскивать костюмы, воду и кислород во все пять транспортеров, когда в переговорниках раздался голос капитана.

– Экипажу и техперсоналу собраться на мостике. Повторяю. Экипажу и техперсоналу – собраться на мостике.

Майер и штурман не смотрели друг на друга. Йос сцепил длинные пальцы и молча уставился перед собой.

– Ситуация, – начал Майер, – очень серьезная.

Охранник кивнул:

– Мы обследовали медблок базы, – сказал он. – Он полностью выведен из строя. Поселенцы, как мне кажется, использовали лабораторию для изготовления наркотиков. Я обнаружил их среди вещей поселенцев. В общем, – продолжил он, – от их медблока нам никакого проку.

– Позволяют ли наши возможности осуществить эвакуацию? – Майер поднял глаза на Рашида. Тот убежденно замотал головой:

– Если бы мы прибыли сюда на одном из Троянцев – вероятно. Но только не на этой, – Рашид обвел рукой чашу мостика, – посудине! Какая эвакуация? Вы предлагаете полторы сотни человек класть в коридорах? Сажать на унитазы в гигиенблоках? Хотите до конца полета носить гермокостюмы во избежание заражения?

– А что, и будем носить, – не выдержал Живых.

Рашид набычился.

– Отсек консервации рассчитан на десять человек. Изолятор – еще десять. Больничка – на двадцать.

– Видно, придется проводить среди них лотерею, – кому лететь, а кому подышать, – саркастически сказал Йос.

Инспектор поднял голову. Его губы тряслись от деланного возмущения.

– То есть вы предлагаете перенести источник заразы на обитаемые планеты? Разнести ее по всему Космосу? – Он фыркнул и отвернул голову.

Майер обвел всех глазами. Помолчал.

– Я понимаю, что принятое решение повлияет на судьбу всего экипажа, – наконец сказал он. – Но моя задача как капитана – спасти людей и сохранить честь корабля. Я объявляю эвакуацию.

Капитан встал.

– Ответственным назначаю господина охранника, – дядя Фима свел мощные руки на груди и кивнул. – Всем готовиться. Через пять минут выходим.

Майер направился к трапу. Но там, пригнув голову, уже стоял штурман.

– Йос, не валяй дурака, пропусти, – велел капитан.

Штурман не тронулся с места. Он потянулся к выключателю, и сверху опустился стальной щит двери, перекрывая проход. Вынув из замка магнитную карту, Йос положил ее в карман.

Майер огляделся. Питер, Рашид и Кок стояли, не двигаясь, глядя на своего капитана.

– Прости, Тео, – негромко сказал Йос. На техперсонал и охранника он даже не посмотрел.

Капитан помолчал.

– Ну что ж. Если это бунт...

– Это не бунт, – быстро сказал Питер. – Это... самозащита.

Бой-Баба напряглась, ожидая команды капитана. Рядом с ней выпрямился дядя Фима, и рука его небрежно скользнула в карман. Инспектор вскочил и, как терьер, повис на руке охранника, мотая головой Йосу. Тот сделал шаг вперед. В руках у него был излучатель.

Штурман целился в Майера.

Все замерли.

– Тео, – тихо сказал Йос, – не заставляй нас идти на крайности. Отпусти техперсонал. Им никто слова не давал. Решать будем мы.

Капитан стоял молча, с серым лицом. Он ничего не сказал и не шевельнулся. Наконец он разлепил сухие губы и выговорил:

– Техперсоналу покинуть мостик.

Бортинженер Кок положил руку на рычаг управления. Нагнулся к микрофону:

– Автоматам готовить корабль ко взлету.

– Ну что ж, – проговорил Майер, – значит, бунт. – Кивнул сам себе. – Я знал, что однажды до этого дойдет. Так, Йос?

– Это не бунт, Майер, – повторил Йос слова Питера. – Это самозащита.

– От кого? – громко поинтересовалась Бой-Баба. – От умирающих баб с детьми?

Штурман прошагал ней и впился глазами в ее лицо.

– Вот от таких вот дур, которые жалеют наркоманов и не думают о своих товарищах! Кок, – повернулся он к инженеру, – бери управление на себя. Всем пристегнуться. – Бросил быстрый, незаметный, ненавидящий взгляд на капитана. – Кто-то должен подумать о том, как нам выбраться отсюда... пока еще есть надежда.

* * *

Проржавевшая туша корабля затряслась мелкой дрожью. Бой-Баба закрыла глаз, чтоб не видеть остальных. Ремни врезались в тело. Пальцы впились в подлокотники – не расцепить.

За мутным, в черных разводах, стеклом иллюминатора обледеневшая поверхность планеты качнулась и поехала в сторону. Всплыл и исчез гребень Троянца. Ночное небо осталось внизу, засияло солнце, затем не стало видно ничего, кроме обгоревших клякс на стекле.

«Голландец» вышел на орбиту, и шум моторов стих. Включилась гравитация. Вплыли в сознание тихие разговоры на мостике. Йос засмеялся. Как он может смеяться?

На кресле Бой-Бабы замигал огонечек. Мостик требует кофе. Она вздохнула и отстегнулась. Здесь ей никто не даст забыть ее место.

Когда Бой-Баба поднялась по трапу с подносом, на мостике стояла натянутая тишина. Майер сидел в запасном кресле, не глядя ни на кого. На капитанском месте хмуро сидел Кок, уставившись на панель управления. Капитанское кресло казалось выше, чем обычно: Кок уже успел отрегулировать под собственный рост. Йос стоял возле иллюминатора, засунув руки в карманы, и смотрел на блистающий бок планеты над головой.

Бой-Баба вошла и стала разносить им кофе. Майер не поднял головы, не посмотрел на нее. Сомкнувшиеся вокруг стаканчика морщинистые пальцы источали ледяной холод.

Йос тоже ее не заметил. Он всматривался в поверхность планеты.

– Вот он, смотрите, – негромко произнес он, указывая пальцем. Питер поднял голову от экрана. Бой-Баба не удержалась и тоже посмотрела.

Далеко на каменистом плато оставленной планеты Троянец устремил к залитому солнцем небу свой километровый гребешок. Его можно было различить даже отсюда: малюсенькая изогнутая тень поперек ледниковых разломов.

Йос вздохнул:

– Сердце кровью обливается его там оставлять. Когда так не хватает кораблей...

Планета медленно поворачивалась в иллюминаторе. Сейчас и Троянец скроется из виду. Штурман ударил кулаком по метровому огнеупорному стеклу:

– Ну до чего несправедливо, а?! Почему им – все: и планета, и Троянец, и живут на всем готовом? А тут паришься всю жизнь в этой жестянке, и никто даже не оценит!

Йос оседлал любимого конька. О несправедливости он мог говорить часами, особенно после того, как лет десять назад капитан Тео Майер полез качать права перед дирекцией Общества Соцразвития. Их обращение с поселенцами ему, видите ли, не понравилось. Тогда и сняли нынешнюю команду «Голландца» с Троянца и перебросили на ближние рейсы между базами. А дружба между Майером и Йосом дала трещину. Служить на земных аналоговых кораблях было далеко не так почетно, но Майер этого, казалось, не понимал. Их капитан был напрочь лишен честолюбия: как и Бой-Бабе, Тео Майеру неважно было, на чем выйти в космос, лишь бы видеть в иллюминаторе звезды.

Но даже среди аналоговых развалюх их «Летучий голландец» уже отжил свой век: оборудование еле тянуло, проводка пятидесятилетней давности, обшивка вот-вот поедет по сварочным швам. Один Майер за него держался. Благодаря ему корабль держали на коротких, в год-полтора, рейсах между базами и Сумитрой: доставка-поставка, почтовые сообщения. Но вот сейчас капитан уйдет на пенсию, и «Голландца» тут же отправят на кладбище кораблей.

Казалось, Йос думал о том же. Он повернулся к капитану, но ничего не сказал. Только вздохнул.

Зато заговорил Питер:

– Йос, послушай... Тебе не кажется, что мы все погорячились? – Он повернулся к борт-инженеру Коку. – Кокки, разве не так? Просто мы все устали, перенервничали... но Тео – наш капитан. Разве не так?

Кок мрачно кивнул. Исподлобья посмотрел на Майера и бочком начал вылезать из кресла.

– Тео, – сказал он. – Ты это... не обижайся. Просто не было у нас другого способа тебя убедить...

Капитан не ответил. Он смотрел в другую сторону. Кок повысил голос:

– Тео, послушай же! Я сознаю свою ошибку. Я не имел права так с тобой разговаривать. Но ты же сам...

Майер в своем кресле еле заметно махнул рукой. Кок подождал, но капитан молчал. Тогда бортинженер заговорил опять:

– Ты знаешь, как я на все это смотрю – на поселенцев на этих, наркоманов несчастных, на базы эти проклятые. Поделом чума их поражает одну за другой. Но, – он размашистым шагом пересек отсек и встал перед креслом Майера, – ты мне капитан. И нам всем. – Кок оглядел остальных. – Правда, ребята?

Питер кивнул.

– Я никогда не пойду против нашего Майера, – хрипло сказал он.

В стороне от них Йос прирос к месту, недоверчиво переводя взгляд с одного на другого. Костлявая рука штурмана смяла пустой пластиковый стаканчик, но Йос тут же овладел собой. Бой-Баба никогда раньше не видела, чтобы человек мог так быстро скрыть свои чувства.

Йос широкими шагами пересек мостик и протянул капитану длинную жилистую руку.

– Майер, прости, – сказал он, глядя капитану в глаза. – Я раскаиваюсь в том, что произошло. Я все понимаю... Я не прошу, чтобы ты все забыл, но...

Голос штурмана упал. Он опустил голову.

– Майер, пожалуйста, будь нашим капитаном. Будто ничего не было. Ведь мы раскаиваемся, – посмотрел веско на остальных, – правда, ребята?

«Ребята» горячо поддакнули.

Майер посмотрел на протянутую ему руку. Поднял глаза на Йоса. Тот стоял перед ним, понуриив голову. Ждал.

Медленно капитан протянул руку.

Питер с Коком заплотировали. Капитан поднялся и обнял Йоса. Затем отстранил и всмотрелся в маленькие, глубоко посаженные глаза штурмана.

– Не горюй, – сказал капитан Йосу. – Будет и у тебя Троянец.

Тот вздохнул. Кок спешно вылез из капитанского кресла и нажал кнопку, восстанавливая габариты Майера. Бой-Баба попятилась к выходу – и налетела железной спиной на кого-то. Обернулась.

Позади нее согнулся, трясая отдавленной ногой, инспектор – этот, как его, Электрий. От него разлило дорогим одеколоном. За гримасой боли инспектор пытался спрятать разлитое по его гладковыбритому лицу торжество.

* * *

Люди внутри Троянца почувствовали вибрацию взлетающего корабля и подняли головы. Паутинные завесы высоко под сводами зала трепетали. Мягкий, пружинящий пол под ногами на мгновение замер и разошелся волной. Вода в бутылках и стаканах закачалась, выплескиваясь на подстеленные тряпки.

Несколько уже готовых к выходу человек в гермокостюмах кое-как поднялись на ноги и, придерживая друг друга, потащились к выходу. Все смотрели им вслед, выжидая.

Полуседающая умирающая Мойра куталась в одеяло. Она сидела на коленях, одна в своем с мужем углу, под безмолвными, осуждающими взглядами соседей. В горле у нее саднило – и от болезни, и от криков. Казалось, Мойра только что пыталась поднять остальных, заставить помочь тяжелобольным. Уверяла всех, что «началась эвакуация», что астронавты «сейчас вернутся и всех-всех заберут».

Она ниже опустила голову, встряхнула лохмами, чтоб упали ей на лицо, чтоб никто не видел ее глаз. Ее обманывали часто, но никогда еще она не обманывала других. Грудь ей жгло – и от стыда, и от болезни.

Ушедшие наконец вернулись, качая головами. По толпе пронесся вздох. Чей-то голос тоненько заныл и тут же смолк, оборванный ударом кулака. Остальные сидели, глядя перед собой, и молчали. Никто не смотрел на Мойру – а некоторые специально подвинулись так, чтобы сесть к ней спиной. Она ничего не сказала.

Плеча коснулась рука. Она обернулась. Муж.

Опираясь о плечо Мойры, лаборант тяжело опустился на колени и сел рядом с ней на расстеленные тряпки. Провел трясущейся рукой по засаленному тарполину.

– Грязь какая, – прохрипел он. – Сидим тут, как свиньи, в собственном дерьме...

– Где ты был? – не оборачиваясь, спросила она.

Профессор облизнул слипшиеся губы.

– Улетели, а? Господи, – он обхватил руками длинную, яйцеобразную голову, – вот счастье-то какое, сами улетели... – Потом внимательно всмотрелся в лицо жены. – А они ничего... – он окинул взглядом больных, ища, высматривая, – ничего не оставили?

Мойра горько усмехнулась и покачала головой:

– Как прилетели, так и улетели... пяти минут не пробыли. Но их можно понять: умирать никому не хочется... А все-таки обидно. Бросила нас Земля... – вздохнула она.

Лаборант возбужденно помотал головой.

– Земля не может нас бросить, – быстро сказал он. – Почему – этого я тебе пока объяснить не могу... настанет час, и ты все узнаешь. – Он лихорадочно оглядел толпу. – Челнок не возвращался?

Мойра безразлично повела плечом:

– Я не видела.

– Не возвращался! – захрипел старческий голос справа от них. На своей подстилке пошевелился морщинистый, иссохший человек в дырявом свитере, к которому пристали выпавшие волосы. Потрясая костлявым пальцем, он повернулся к лаборанту. – Куда ты его дел?

Мойре хотелось схватить мужа и бежать в один из тайных закоулков Троянца. Именно так здесь и начинались кровавые, с выдавливанием глаз и изгнанием на мороз, ссоры. Но лаборант словно не понимал и охотно ответил на вопрос старика:

– Я его не видел. Я в медблоке был.

– Я не про Челнока! Мне его делишки без разницы! Куда товар дел, спрашиваю? – старик, которому, если верить вживленному чипу индивидуальной идентификации, еще не исполнилось двадцати лет, с подозрением оглядел посеревшее дырявое банное полотенце, на котором сидела Мойра. Та вздрогнула.

– Нам нет дела до вашего товара, – сказала она. – Хоть бы сгинул ваш Челнок, всем нам легче бы жилось!

Женщина фыркнула и отвернулась. В голове забежали обыденные мысли: сколько у них двоих осталось еды и можно ли попросить Троянца синтезировать чего-нибудь – сами поселенцы друг с другом никогда и ничем не делились. Главное – постараться не думать о том, – взгляд ее упал на тот угол, куда они стаскивали для переработки трупы, – из чего Троянец синтезирует пресные брикетики биомассы...

Старик приподнялся и повернулся к остальным.

– Им все равно! – прошамкал он, силясь перекрыть гул голосов. – А нам что теперь делать? Они улетели... – он осекся, обвел всех испуганными глазами, – улетели и ничего нам не оставили!

Гул усилился, перешел в ропот. Мойра отодвинулась в угол, наблюдая, как поселенцы роются в своих вещах, перетряхивают истлевшие в ядовитой атмосфере сумки и разорванные пластиковые мешки. Все качают головами. Нету, ни у кого нету!

Старик поднял на нее слезящиеся глаза.

– Это вы виноваты! – потряс он тощим пальцем у Мойры перед глазами. – Они улетели из-за вас! – и обернулся к остальным. – Они нас испугались!

Мойра сжалась под враждебными взглядами. Муж обхватил ее за плечи, прижал к себе. Но что он может? Первые фигуры двинулись к ним. В истощенных руках блеснула сталь.

Она закрыла голову мужа руками. Тот оттолкнул ее, полез за чем-то в карман. Троянчик, миленький, спаси, помоги! – билось у нее в мозгу. Но ничего не менялось. Даже Троянец их оставил.

Первые из ненавидящих уже подошли так близко, что она слышала их прерывистое, натужное дыхание. Вот и все, подумала она.

Ненавидящие остановились. В их глазах появилось сомнение. Все разом, как по команде, сделали шаг назад. На тот угол, где она сидела, упала длинная тень человека.

– Сгинул бы Челнок, говоришь? – прошелестел еле слышный голос. – Ну что ж, твои молитвы, да богу в уши!

Стоявшие прямо перед Мойрой отстранились. Не сводя глаз с человека, появившегося за ее спиной, они опустили головы и сжались. А потом медленно попятнулись обратно.

Лаборант обернулся, вскинул голову на говорящего и заерзал на тарполине, загаженном коричневыми пятнами биомассы. Жена высвободилась из его рук и тоже повернулась.

Над ними стоял, расставив ноги в дорогих сапогах, курчавый человек с мягким, добродушным лицом. Глаза его – хитрые, мальчишеские глаза – смеялись. Уголки губ были приподняты, как будто в улыбке. Он поднял руку – Мойре бросилась в глаза легкость движений, как будто он был совершенно здоров – и пригладил отросшие волосы. Позади него стояло трое поселенцев помоложе, чем он, и покрепче.

До этого Мойра видела его только мельком, в массе остальных поселенцев, и удивленно оглядела вжавшихся в коврики соседей. Человек стоял и смотрел на нее и на мужа.

– Ну, Профессор, – прошелестел его голос, – слышал глас народа?

Муж торопливо закивал и попытался отползти назад. Человек улыбнулся:

– Что ж... Земля нас бросила, твоя мадам правильно сказала. Придется полагаться на самих себя. То есть, – он кивнул стоящим позади, и те шагнули вперед, – на тебя, Профессор. Пора показать, чему тебя в академиях учили.

Его люди нагнулись, подхватили лаборанта под мышки и поставили его на ноги. Тот растерянно смотрел на жену.

– Отведите его в медблок, – негромко приказал человек в сапогах.

Мойра вскочила, попыталась оттолкнуть их от мужа, но ее пихнули в большую грудь, и женщина упала на коврик, заходясь кашлем. Даже кричать не могла, когда человек мотнул головой своим людям, и те потащили упирающегося мужа в глубь багровых колышущихся проходов.

Глава 5

По бортовому хронометру наступило темное время суток, но заснуть Бой-Баба не могла. Обрывки мыслей мельтешили в мозгу: в часы бессонницы никогда не лезет в голову хорошее, но всегда – плохое, беспокойное.

Вот и теперь: память гоняла по кругу их вылазку на транспортере: как сели, как поехали, Питер Маленький остался в машине, они с Живых вылезли, пошли... набрали на пораженного... За стеклом шлема – воспаленные глаза, пунцовые от жара губы. Как тащили обратно. Питер ломается, как красна девица...

Какая-то мысль занозила, невнятная, недодуманная: что-то там было. В глазках Рашида... как он смотрел на раненого... сейчас не могла вспомнить, но чувство не проходило. Бой-Баба приподнялась на локте, нащупала на прикрученном к полу стулу сложенную по уставу одежду, сунула руку в прорезь нагрудного кармана. Достала карту памяти.

Покрутила в руках, подумала. Лежать – бесполезно, все равно не уснет. Бой-Баба встала, потянулась в ящик стола за планшеткой, сунула в щель карту памяти. Включила.

Зажегшийся экранчик тускло осветил отсек. Она попыталась открыть файл с данными чипа раненого поселенца, но прибор выдавал ошибку. Наверное, нужен специальный сканер, вроде тех, что стоят в поликлиниках и полицейских участках.

Тадефи, вспомнила Бой-Баба. Она студентка медучилища. Она должна знать, как открыть этот дурацкий файл.

Бой-Баба зажала карту памяти в руке, поднялась, и как была, в застиранной трикотажной пижаме с пузырями на коленях, выскользнула в коридор. Ковровое покрытие грело клонированную кожу босых ног: как и обещали в больнице, чувствительность потихоньку возвращалась.

Третий отсек слева. Она поколебалась и постучала.

– Тадефи? Ты спишь?

Никто не ответил. Она прислушалась. За дверью шебуршало. Она постучала еще раз.

– Тадефи,пусти, пожалуйста!

Дверь приоткрылась. Высунулась взлохмаченная грива Живых.

– Ты чего?

Вот дьявол. Хоть провались сквозь землю.

– Нет, ничего, я пойду, до завтра терпит. – Бочком-бочком она стала отходить, когда дверь раскрылась. В проходе стояла Тадефи в форме.

Они впустили ее и выслушали все, что вертелось в ее голове за несколько бессонных часов. Помолчали.

– Карта памяти у тебя с собой? – спросил Живых. Она раскрыла ладонь, показала. Тадефи ссутулилась на краю койки, оперлась подбородком о смугло-розовый кулачок. Задумалась.

Наконец медик-стажер подняла голову и посмотрела на Бой-Бабу.

– Пошли, – сказала она. – Я вас проведу.

– Куда? – тупо спросила Бой-Баба.

Тадефи протянула руку и взяла у нее чип:

– Ты же хотела его считать? Так пойдем сейчас, пока медик дрыхнет. Заодно покажу вам кое-что, – она усмехнулась.

– Пойду оденусь сначала, – сказала Бой-Баба. – Не идти же мне так...

– А кто тебя там увидит? – хмыкнул Живых. Тадефи мотнула им бритой головой:

– Пошли все вместе, быстро!

Троица свернула за угол и двинулась по слабо освещенному коридору. Ковровое покрытие поглощало звуки шагов.

Бой-Баба шла сзади и смотрела им в спины. Господи, ну какая же она дура! Пусть они забудут, ну пусть они забудут, как она к ним вперлась, идиотка несообразительная! С другой стороны, а как ей было сообразить? На то и секс-депрессанты в таблетках выдают, чтобы избежать инцидентов...

– Чего отстаешь, пошли давай, – Живых оглянулся, протянул ей руку. Она сунула руки в карманы треников. Он пожал плечами и отвернулся.

Тадефи обогнала их и теперь возилась в конце коридора возилась с магнитной картой возле двери медотсека. Красная лампочка равномерно вспыхивала над входом. Тадефи приложила палец к губам и озорно улыбнулась:

– Идите за мной, только тихо!

Они вошли в темноту, пропахшую карболкой. Направо, в глубине, отсвечивали никелем медицинские аппараты. Стажер поманила спутников налево, в лабораторию.

Но не остановилась, а, сделав знак двигаться тише, скользнула за следующую дверь, в отсек консервации. Там горел слабый свет. Тадефи поманила их и, не в силах больше сдерживаться, фыркнула. Показала рукой перед собой. Они подошли – и зажали себе рты, чтобы не свалиться на пол от смеха.

Один из аппаратов консервации был подключен. Датчики попискивали. Прозрачная крышка была закрыта, и на мягком противоожоговом покрытии матраса покачивалась жирная туша Рашида. Глаза закрыты, дыхания почти не слышно. Под крышку в тело Рашида уходили провода и катетеры.

– Он здесь каждую ночь спит, – зашептала Тадефи Бой-Бабе на ухо. – Говорит, замедляет процесс старения. И мне предлагал, кобель старый!

Живых только покачал головой. Тадефи выдворила их из блока консервации. Тихонько вышли в лабораторию, плотно прикрыли дверь, прошли из лаборатории в приемный кабинет, закрыли и эту дверь – и только тогда зашли тихим сдвоенным смехом.

– Ну Рашид! – еле выговорил Живых. – Даже с этой должности сумел выгоду поиметь!

Тадефи зажгла верхний свет и повернулась к Бой-Бабе:

– Где там твой файл?

Та протянула карту. Тадефи включила экран и принялась тыкать стилусом в иконки, подключаясь к медицинской базе данных. На экране высветилась всем знакомая иконка чипа индивидуальной идентификации. Тадефи ударила по ней стилусом, и иконка осветилась, замигала сначала красным, потом желтым огоньком.

Подождали. Желтый продолжал мигать.

– Глючит, – сказала Тадефи. – Вечно так. Общество Соцразвития экономит на оборудовании, даром что денег под себя гребут.

Она перезагрузила файл. Иконка осветилась. Замигала. Красный огонек. Желтый.

– Нич-че не понимаю, – пробормотала Тадефи. – Может, это твоя карта глючит?

Тадефи вынула карту памяти и тут же вставила обратно. Нажала кнопку перезагрузки:

– Еще раз.

Желтый продолжал мигать, никак не сменяясь зеленым.

– Вот фиговина... – прошептал Живых.

Бой-Баба отстранила Тадефи. В голове стало проясняться. Неужели...

– Ребята, – тихо сказала Бой-Баба. – А ведь чип-то паленый.

– То есть? – впервые за весь вечер посмотрел на нее Живых. – Поддельный, что ли?

Она хмыкнула:

– Поддельный знаешь сколько стоит? У кого есть деньги на поддельный, тому на базу вербоваться незачем. А этот... – осеклась, – ну, не знаю... – Бой-Баба отвела взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.